

**Краткий обзор (в цитатах и комментариях)
всех 16 сохранившихся писем А.А. Цибарта к семье из лагеря 8.07.1943 – 23.03.1946
(из периода после окончания назначенного срока)
и полные тексты некоторых из них**

Дата написания письма	Адресат	Цитаты из писем Адольфа Августовича	Что это значит
8 июля 1943 г.	Старшая дочь Эльфрида	«Дорогая родная моя Элечка!» «Кроме телеграммы о том, что Ты поступила в Университет на Биофак я с марта месяца ничего от тебя и вообще ни от кого ничего не получал.» «Беспокоюсь за Светку. ... А затем, что с мамой? как она несчастная тянет свою горькую долю? ... Наверное все старые друзья и знакомые отшатнулись от Вас? Интересно кто из старых знакомых не позабыл нашего адреса и помогает Вам советом, участием или материально. Сколько ни думаю, не могу понять, как мама может при своем ничтожном жалованье свести концы с концами. Наверно она еще кое чем занимается? Может быть помогает Саша <брат М.И., вернувшийся из заключения>? Кстати Костик <сын Саши> еще у нас или Саша забрал его к себе? Как бабушка? Жива ли еще, здорова? И на счет Твоей особы дорогая моя дочка жду подробного отчета...» «Теперь скоро увижу Вас. Срок мой кончился 6 месяцев назад, но приехать сумею только после окончания войны. Надеюсь, что теперь война скоро кончится. За этих гадов взялись основательно с 2 сторон ... час расплаты с этими мерзавцами близок.» «Работаю по специальности инженером и на мое счастье также по научно исследовательской работе. Доволен своей судьбой, так как после возвращения к Вам начну жизнь имея в руках опять специальность. Питаюсь неплохо. Здоров. Единственное, что меня беспокоит это то, что не могу Вам помочь материально и облегчить тяжелую долю мамы и несколько снять работу с ее больных плеч. Очень хотелось бы ей самой написать но не знаю как подойти. Очень я перед ней виноват.» «Пиши и телеграфируй по адресу: Гор. Магадан Хабаровского края почтовый ящик № 261/3 Цибарт А.А. Вам я посвящу оставшуюся мне жизнь.»	<i>Письма за время назначенного срока заключения (после которого А.А. Цибарт освобожден не был) и последующих 6,5 месяцев отсутствуют (затеряны при передаче в архив, при непонятных обстоятельствах)</i> Жена и дочь, после марта 1943 года (2,5 – 3,5 месяца после окончания назначенного срока заключения), по какой-то причине прекратили писать в лагерь; после марта пришла все-таки телеграмма от старшей дочери – она сообщила о важном событии, о своем поступлении в университет, и то не письмом, а телеграммой, т.е. предельно скупой. Явно что-то неведомое для А.А. произошло, А.А. высказывает свои опасения. Принимает на себя вину перед женой – за этим можно предположить не только что-то личное, но и то, что семья могла думать, что, если А.А. по существу и не «вредитель», то во всяком случае совершил нечто заведомо опасное для себя и семьи. В любом случае семья пострадала из-за него, хоть и без его вины. Пишет из лагерного барака и видимо не считает, что в этом (то есть в том, что находится именно в лагере, а не на свободе) надо семью как-то убеждать. Надеется на скорый конец войны и еще вполне верит в свое последующее освобождение (т.к. его и многих других задерживают в лагере, как им было заявлено, только до конца войны, и без каких-либо новых обвинений). Других перспектив, как вернуться в семью, для себя не видит. Рад тому, что благодаря работе в лагере, имеет в руках специальность, кроме административной. Упоминает о своей всегдашней тяге к научно-исследовательской работе, которую может в лагере как-то удовлетворить.
8 июля 1943 г.	Младшая дочь Света (10 лет)	«Дорогая родная Светочка Пишет тебе твой Папка из очень далекого края. Уже 5 лет прошло как я уехал от Вас. Ты была еще маленькая. Не умела ни читать ни писать. Тебе исполнилось только 5 лет. Теперь говорят ты ходишь в школу и наверно можешь уже сама прочесть мое письмо и сама написать мне ответ. Никто Светуня не хочет мне писать. Все забыли про твоего папу. Буду думать и надеяться, что Ты родная любимая моя дочка будешь мне часто писать. Я помню как ты меня любила. Мама мне тоже писала,	А.А. рассчитывает что-то узнать о семье от младшей дочери – ибо не знает практически ничего. Побуждает Свету начать с ним переписываться самостоятельно (это удастся: в дальнейшем Света «самая аккуратная корреспондентка»). После окончания войны А.А. должны были освободить, он надеется, несмотря на редкость писем из дома, приехать к дочерям – очевидно, он чувствовал, что

		что Ты меня по прежнему любишь, что меня не забыла. А мне так скучно, скучно без Тебя! Так хотелось бы Тебя увидеть, обнять, прижать к груди и целовать, целовать без конца. А помнишь еще Светуня как я Тебе рассказывал сказки? Вот теперь, как вернусь, расскажу много, много интересных сказок и рассказов. Их у меня много накопилось! Вернусь я теперь уже скоро. Как только окончится война я приеду к Тебе и Элечке. Жду только конца войны. Я тебя Светка часто вижу во сне. Боюсь за Тебя, не случилось ли что нибудь с Тобою? Беспокоюсь также за маму. Ведь она бедная больна. Ей приходится так много работать, чтобы Вас одеть и накормить. Люби ее Светка и слушайся, чтобы ей легче жилось. В письме, которое я от Тебя жду, отвечай мне на следующие вопросы: 1. Как Твое здоровье? Как Ты учишься? В каком ты классе и какие имеешь отметки по предметам? 2. Какая теперь у Вас квартира, с кем играешь? с кем дружишь? 3. Где работает мама? Как ее здоровье и как живет бабушка <теща> и Костя <племянник жены, оставшийся без родителей и принятый в семью>? Хватает ли Тебе чего кушать? 4. Как здоровье Элечки? Она видно теперь уже очень большая? Как она живет? Учится она или работает? 5. Вообще напиши как Ты живешь? Вспоминаешь ли хоть изредка про меня? Не перестала ли меня любить? Напиши длинное, длинное письмо обо всем, о чем хочешь. Мне будет все интересно. Ведь я почти ничего не знаю о Вас. Я живу хорошо. Не голодаю, работаю много, но пока помочь Вам не могу, так как жалование получаю маленькое. Как нибудь надо перебиться, до конца войны, пока наша Красная Армия не прогонит последнего фашиста с родной нашей земли. Пиши по следующему адресу: Город Магадан Хабаровского края Почтовый ящик № 261/3 Цибарт А.А. Целую Тебя и Элечку крепко, крепко. Не забывают меня. Пишите часто Привет маме и бабушке Ваш Папа» <i>(Письмо приведено полностью)</i>	инициатором непонятного для него разрыва (резкого ослабления переписки) является жена. Просит 10-летнюю дочь рассказать о семье, по пунктам, и все что она <i>сама захочет</i> рассказать – наверняка откроется что-то, чего и нельзя было предположить... <i>Забегая вперед: лишь через два года после написания этого письма и письма к Эльфриде (одна дата, посланы видимо в одном конверте), летом 1945-го (см. письмо к Эльфриде от 12 июня 1945 г.) А.А. узнает, что был оклеветан перед женой, по линии НКВД – якобы он «давно» освобожден, получил в Магадане высокооплачиваемую работу и имеет «связь», фактически другую семью...</i>
6 февраля 1944 г.	Жена Мария Иосифовна	«Получил сразу 4 письма» – по одному от жены, от старшей дочери Эльфриды и два от младшей (10-летней) Светы. «Ты не оттолкнула детей от отца, не чернила его памяти в их детских сердцах. Ты мне вернула смысл и цель жизни» (т.е. к этому времени переписка была, не по инициативе А.А., прервана), «письма были для меня настоящим откровением и величайшей радостью». «Думаю и надеюсь, что война в этом году кончится и я сумею вернуться домой.» «Неужели буквально все твои друзья покинули тебя? Неужели нет никакого исключения? Как вел себя Захар Малинкович и Ида? Помнится что еще три года назад он давал мне телеграмму, что Вы все здоровы. Что слышно о Зайцеве <Анатолий Николаевич Зайцев – зав. издат. комбинатом МММИ>, не встречала ли его? Как Шевцов <предс. профкома МММИ>? Кого еще встречала из институтских людей?» <i>(Весь текст письма см. в этом файле)</i>	Положение как будто меняется. Видимо, Мария Иосифовна (жена) получила какую-то правдивую, развеивающую клевету информацию, или почему-либо усомнилась в возводимой на А.А. клевете, в результате чего вся семья наконец написала А.А. обрадовавшие его и обнадеживающие письма (младшая дочь Света, с ведома старших, писала письма самостоятельно). О содержании этой клеветы, каких-то объяснениях жены по этому поводу ничего не говорится. Однако теперь А.А. как будто уверен, что отношения с семьей полностью восстановлены. Характерно, что Мария Иосифовна не объясняет причин своего охлаждения; таких объяснений, кажется, и не последовало.

13 февраля 1944 г.	Старшая дочь Эльфрида	<i>Весь текст письма см. в этом файле</i>	Мысли о выборе профессии дочерью – ее поступление на биофак МГУ. Мысли о призвании вообще, о своем неосуществившемся призвании и пр. Упоминается «инженер» (Мачерет), выселивший семью из квартиры
29 сентября 1944 г.	Старшая дочь Эльфрида (Государственный Университет / биологический факультет студенту Цибарт Э.А.)	«...После Вашей телеграммы о переезде с Метростроевской улицы не знаю Вашего нового местожительства. На адрес, который указала мама (Чкаловская 25, Гастроном) сейчас же дал телеграмму, но ответа не получил. Убедительно прошу Тебя сообщить хоть адрес, куда вам вообще теперь можно писать, а то порвется и последняя связь с вами. Не знаю теперь и куда писать Светке моей самой аккуратной корреспондентке. Кстати как ее здоровье и где она сейчас учится. Почему ты о себе ничего не пишешь?» «Я здоров. Работаю на старом месте. Мой адрес прежний, но можешь писать и по месту моей работы. гор. Магадан Хабаровского края Сталинская 5 Конструкторское бюро»	Постоянного адреса у семьи действительно в этот период не было: их выселил из квартиры «инженер-изобретатель» или «инженер-зверь» Мачерет. А.А. работает и живет там же, где работал (в КБ) и жил – в лагере, на нарах. Не подозревает, что в этом надо семью еще как-то убеждать.
19 октября 1944 г.	Клава (Клавдия Дмитриевна Буренкова), знакомая А.А. по институту. Без конверта	«Здравствуй Клава!» Благодарит за письмо, «хотя и очень короткое», из которого «узнал хоть кое что о моей семье, о моей Элочке и любимой Светке». Сегует на очень скудные письма от семьи («ничего не могу узнать кроме стереотипного "живы, здоровы"»), пишет, что последнюю информацию от старшей дочери, о поступлении в МГУ, получил «полтора года назад». «Единственно на кого не могу пожаловаться, это на мою маленькую Светку.» Кстати упоминает о телеграмме от жены от 12 сентября, где она сообщает, что семью выселили «без предоставления жилплощади»... «Помоги мне как друг разобраться что происходит у меня дома и как живут. Правда Тебе не особенно удобно водиться к моей семье и встречаться с Марией Иосифовной, но ведь Ты давно уже сделала первый шаг и бываешь у них. (Правда я до сих пор не представляю как чувствует себя Мария Иосифовна и как чувствуешь себя Ты во время этих неестественных встреч.)» «Хотелось бы, чтобы Ты и про себя написала. Как проводишь время, как живешь, кем и чем увлекаешься? Кто бывает? Встречаешь ли когонибудь из старых институтских знакомых и какова их судьба? Я живу по старому. Кое как здоров. Много работаю над собою в области науки, чтобы хоть частично восполнить пробел за время моего администрирования. ... Твой Ацик.»	У А.А. и Кл. Дм. Буренковой – общие «старые институтские знакомые». Не случайный вопрос: «какова их судьба?»... Письма от семьи все-таки кажутся А.А. недостаточно подробными; сообщение А.А., что он получил известие от старшей дочери о ее поступлении в МГУ «полтора года назад», можно понять неправильно, как то, что писем не было вовсе, но они конечно были. <i>Между А.А.Ц. и К.Д. Буренковой были близкие отношения, о чем М.И. с 1935 г. стало случайно известно. Это послужило к весьма значительному разладу в семейных отношениях, доходило почти до развода – которого А.А. не мог допустить уже потому, что был привязан к детям, особенно младшей Свете.</i> Слова из письма к Эльфриде (от 8 июля 1943) «Очень хотелось бы ей самой <т.е. М.И.> написать но не знаю как подойти. Очень я перед ней виноват» относятся, очевидно, и к этой истории. Удивительно то, как письмо Буренковой вообще попало к М.И. или к Эльфриде – почему Буренкова передала его кому-то из них. Видимо, скрывать прошлые отношения с А.А. ей уже не приходилось, и она передала письмо в порядке упрека – просто чтобы побудить семью больше и подробнее писать о себе А.А. в лагерь. По тону письма (лаконичное «Здравствуй Клава», подчеркнутое родительское отношение к детям, «Тебе не особенно удобно водиться к моей семье» и пр.) явно, что А.А. расставаться с семьей не планирует, и этого от Клавы не скрывает. Перед лицом свалившейся на семью беды Клава и М.И. общаются, по инициативе Клавы. Из других тем письма: интересно, что в лагере А.А. пытается восполнить пробел в чисто профессиональной, научной и инженерной сфере (этот вопрос его беспокоил уже во время директорства в МММИ, тогда он занимался с профессорами, начал работать над

			диссертацией «в области металловедения и физической химии», был счастлив, когда получил первую зарплату в качестве преподавателя физики, начал принимать экзамены по математике...). О своем научном, а не администраторском призвании много раз говорит и в письмах к дочери.
12 июня 1945 г.	Старшая дочь Эльфрида	«Дорогая Элочка! Наконец получил от тебя сразу 2 письма: от февраля и апреля. Твои письма были для меня большим событием.» «...Пускай ничто больше не разделяет нас в жизни. Будем дальше не только как отец и дочь, но как близкие друзья. И почва общая у нас есть. Это любовь к науке. Я очень доволен что ты избрала своим будущим поприщем в жизни – биологию. Если бы я был дома в то время, когда ты еще выбирала, я посоветовал бы тебе физику или биологию, но никак не технический ВУЗ. И вот случайно ты выбрала именно то, о чем я думал и чего тебе желал. И на самом факультете избрала наиболее интересную и богатую в смысле научных перспектив специальность <генетику – А.Г.А.>. Лучшей специализации для родной дочери и во сне пожелать не могу. Судя по тому упорству и настойчивости, как ты взялась в тяжелых условиях жизни за работу – из тебя выйдет крупный научный работник. (Кстати напиши как построен ваш факультет, какие в нем специализации, уклоны и кафедры. Интересно бы знать и фамилии вашей профессуры, ведь я со многими встречался в Доме ученых и Ученом совете Наркомпроса). С биологией я мало знаком, в моем представлении это таинственная и очень увлекательная наука о жизни и ее развитии. У меня биология ассоциируется с именами Бельше <Вильгельм Бельше, автор книги "Происхождение человека. Будущность человечества" – А.Г.А.>, Мечникова, Дарвина, Павлова. Все что есть популярное я всегда глотал, как интересную художественную литературу и получал обильную пищу для ума, воображения и фантазии. Часто жалел о том, что в молодости не пошел по биологии. Я пошел по технической специальности – по теплотехнике, но и здесь по свойственной мне особенности я уходил все глубже в область теории (а на практике на сегодня любимыми моими науками являются: математика, физика /и особенно ее область термодинамика, гравитация электричество/ и физическая химия). И вот в тебе я уже с молодых лет вижу эту же самую тягу к науке, какая меня в молодые годы погнала из далекой Польши в Москву, чтобы учиться в самом лучшем учебном заведении. Мне не удалось остаться во ВТУЗе после окончания его для научной работы. Меня захлестнула война и революция. Я ушел от своего призвания далеко в сторону, но никогда не теряю надежды на то, что еще вернусь на свой путь, куда меня всё влечет какая-то неведомая сила. У тебя положение пока лучше, хотя материально оно так же плохо как было у меня (я зарабатывал на питание уроками). ...» «Дай Бог чтобы этой силы и напора у тебя хватило до конца, чтобы жизнь, матер. нужда, тщеславие и честолюбие Тебя не сбили с раз избранного пути.» «...Биология как и медицина построены на богатом экспериментальном материале, имеются и некоторые научные обобщения и законы, но прочной математической и физико-химической основы еще нет, особенно в свете новейших теорий. Если хочешь быть в своей области ученым и внести в науку новое, капитальное нужно теперь же подготовиться в части точных и физических наук. Рекомендовал бы на первых порах начать со следующего:	А.А. рад не только знаку добрых отношений со стороны дочери, не только выражает надежду, что ничто более не разделит их в жизни – но и ее обнаружившемуся призванию, ее интересу к науке. Этим они схожи, и на эту тему А.А. с энтузиазмом развивает свои мысли. Между прочим, истинное призвание самого А.А. – отнюдь не административное, а научное; «я ушел от своего призвания далеко в сторону» – «захлестнула война и революция», – но «никогда не теряю надежды на то, что еще вернусь на свой путь». Он смолodu «глотал» и популярные книги, в частности по биологии, вовсе не имеющие отношения к технике; даже жалел, что «не пошел по биологии»... Называет, причем видимо по памяти, несколько книг по точным и физическим наукам, которые надо по его мнению прочесть будущему биологу – ибо в биологии и медицине «прочной математической и физико-химической основы еще нет, особенно в свете новейших теорий»... Все это так занимает А.А., что к насущно важным проблемам он переходит лишь во второй части письма. А может быть, начинает не с них, потому что они для него слишком болезненны. Здесь он снова подчеркивает, что в его лагерном быту ничего не изменилось, упоминает о недавнем тяжелом воспалении легких, от которого едва не умер. Война кончилась, он мечтает об обещанном после конца войны освобождении, возврате к семье, о том, как будет вместе с Эльфридой заниматься наукой, помогая ей с математикой, физикой и языками, как они будут воспитывать Свету и как «мы отпустим» маму в «длительный отпуск», в Крым или на Кавказ... Самый мучительный вопрос для него затронут в февральском (1945 г.) письме дочери, на которое он и отвечает. Она в нем предположила, в обтекаемых выражениях, что у А.А. в Магадане другая семья – так что он, может быть, уже и сам не пожелает вернуться... «Но такое предположение настолько дико, – отвечает А.А., – что странно даже слышать. Неужели Элочка ты не понимаешь где я нахожусь?..» «Я уже не молод. Мне 53 года. Чем дольше я здесь, тем больше ценю Вас мои милые, родные дети, ценю свою семью. Неужели Ты не понимаешь, что мне кроме Вас ничего в мире не осталось. К кому здесь можно привязаться? Это настолько несуразно, что волосы дыбом поднимаются, когда поглядишь кругом себя. Поражаюсь вашей наивной неосведомленности. Не

		1. <u>Грэнвиль и Лузин</u>. Курс диффер. и интегр. исчисления. 2 тома. Написан очень понятно, но не снижается до популяризации. 2. <u>Раковский</u>. Физическая химия. Очень хорошая книга для университетов. Есть на эту тему книга еще лучше: <u>Эйкен</u>. Физическая химия и химическая физика. Но она очень объемна и трудно переваривается. 3. <u>Роберт Поль</u>. Введение в электричество. Популярная книга. Оригинально и интересно написана. Как хорошо Элочка было бы, если бы я скоро вернулся к Вам и мы опять зажили одной дружной семьей. Я помог бы обрабатывать твои материалы с точки зрения математики, физики и языков. А тут глядишь и я заразился бы от дочки и сам занялся наукой. Тут я нашел бы свою настоящую полочку в жизни. Все еще надеюсь что мечты моей жизни осуществятся и свою жар-птицу еще поймаю.» «Я помню Тебя капризной избалованной девочкой хныкающей и ноющей перед малейшей неприятностью. А теперь?» «Ты просишь чтобы я написал о своей жизни. Я вижу, что Вы имеете очень смутное представление о том, как я живу. Коротко про мои материальные и бытовые вопросы можно сказать: "За все почти 8 лет мои матер. и бытовые условия жизни не изменились. Сейчас все так же как было в 1938, 1939, 1940 году и до сих пор. Теперь война кончилась, очень надеюсь, что сейчас скоро я сумею уехать отсюда и вся жизнь станет иной, лучшей. Я опять сумею частично взять на свои плечи воспитание и поддержку своих детей – Тебя и Светки. Маму же отпустим в длительный отпуск в Крым или на Кавказ. Мне больно читать про вопиющую нужду у Вас, что ходишь без пальто, Света без ботинок. Но подумай что я сейчас могу сделать. ... Единственное, что я могу сейчас сделать это сократить свое питание; если себе немного урежу каждый день норму хлеба, смогу кое что выручить и Вам помочь. Это пожалуй я и сделаю, а то вижу и Вам не легче чем мне. Как и где работаю? Работаю инженером теплотехником в Конструкторском бюро с начала войны (1941 г.) и до сих пор. Однако от этого мои бытовые условия и материальн. не изменилось ничуть. Работаю главным образом по теоретическим и расчетным вопросам. Даю техническую экспертизу по разным вопросам, консультации другим инженерам и проч. По роду службы приходится много читать, хотя выбор книг здесь очень ограничен. В марте этого года опять болел воспалением легких. Это здесь на Колыме уже II раз. Я уже приготовился к смерти, а товарищу дал Ваш адрес, чтобы сообщил Вам, если отправлюсь на тот свет. Пролежал в больнице 3 недели. Спасло меня только новое средство – сульфидин. Теперь все прошло, но отразилось на общем состоянии здоровья, довольно плохо у меня с сердцем. Хочу еще остановиться на одном пункте твоего письма. ... Лично для себя мечтаю вернуться в Москву и жить хотя бы в Малаховке. Об этом я мечтаю, этого я желаю. Ты пишешь: "я бы не удивилась, если б узнала, что ты не захочешь (?) или не сможешь сделать этого". И дальше пишешь: "может быть у тебя есть другие более поздние привязанности". Что значит это? Как это ты, родная моя дочь, не удивилась бы что я не захочу приехать домой в Москву. Одно дело, что я не смогу, но как может быть, что я не захочу (?). Что может быть причиной этого? Логически можно предположить следующие причины: 1) или я настолько изверг и потерял человеческий облик, что не хочу видеть даже своих родных детей. тогда мои письма сплошное лицемерие и обман, тогда зачем же я вообще пишу и	нравится мне Элочка Твое письмо в этой части. Тут целый мир недоговоренного.» В конце концов оказывается, что лишь около 12 июня 1945 года («только что»), через два с половиной года после окончания срока и бессудного задержания, А.А. узнает – причем не от жены, а от знакомой (К. Буренковой, которую называет для дочери «посторонним» себе человеком) – о клевете Малинковича (или тех, кто стоял за ним); клевете, стоившей семье невероятных тягот, а самому А.А., весьма вероятно, и жизни! – «Только что получил письмо от Буренковой. У ней была мама со Светкой. Со слов Захара <Малинковича> мама ей сказала, что я будто уже давно изменил свою жизнь что получил хорошее место и высокое жалованье (?)! Теперь я понял откуда идет такое недоверие ко мне.» Все же надо отметить, что слова Малинковича относились еще к 1941-му году, а в апреле 1942 года его уже не существовало на свете – он был призван на фронт, находился в качестве батальонного комиссара в распоряжении Главного политического управления Красной армии и пропал без вести. До августа 1945 года семья А.А. об этом не знала... (Захар Владимирович Малинкович – или Маленкович, согласно адресной книге 1936 г. – начальник Управления бумажной промышленности западных районов, «Главабумпрома», подчиненного Наркомлесу; до ареста А.А. он говорит о нем с наркомом лесной промышленности В.И. Ивановым. А за неделю до ареста в разговоре с А.А. он прямо обвиняет Сталина в убийстве соратников, старой гвардии, к которой и он и А.А. себя относят; А.А. с ним искренне не согласен, об этом остались записи в его дневнике. Дневник, вместе с его автором, через неделю попадает в НКВД, указанная беседа с Малинковичем распечатана следствием отдельно и слова Малинковича, совершенно «подрасстрельные», подчеркнуты. Однако арестован Малинкович не был). Других знакомых, кроме Захара Малинковича, имевших бы возможность реально помочь, у А.А. видимо нет. «Так вот Элочка я прошу: пускай мама зайдет к Захару и от меня ему заявит что даже сейчас (16 июня), т.е. больше месяца после конца войны мое положение осталось тем же как было 7 лет назад. Может быть он может что либо сделать чтобы мое положение изменилось к лучшему...» Никто, кроме Малинковича, в связи с той клеветой, якобы А.А. был освобожден и т.д., в письмах не упоминается; о нём же как о сообщившем ей такую информацию слышал от Марии Иосифовны и я сам (А. Абелев, внук А.А. и М.И.). Во всяком случае для М.И. он играл в этом обмане главную роль. Что до какого-нибудь официального извещения об
--	--	--	--

		уверяю в моей любви к Вам? 2) или я здесь завел новую семью (как Ты пишешь "привязанности"). Но такое предположение настолько дико, что странно даже слышать. Неужели Элочка ты не понимаешь где я нахожусь? Ведь я живу на вечной мерзлоте у полюса. Природа суровая. А условия, в которых живет твой отец, еще суровее, чем природа. Тут рождаются не привязанности, а взаимное озлобление и волчьи инстинкты перегрызть друг другу горло. Я уже не молод. Мне 53 года. Чем дольше я здесь, тем больше ценю Вас мои милые, родные дети, ценю свою семью. Неужели Ты не понимаешь, что мне кроме Вас ничего в мире не осталось. К кому здесь можно привязаться? Это настолько несурово, что волосы дыбом поднимаются, когда поглядишь кругом себя. Поражаюсь вашей наивной неосведомленности. Не нравится мне Элочка Твое письмо в этой части. Тут целый мир недоговоренного. <...>» «Мне приходилось прибегать, к стыду своему, за содействием совсем посторонних мне людей (Буренкова) чтобы со стороны посмотреть, как живут мои дети...» «Только что получил письмо от Буренковой. У ней была мама со Светкой. Со слов Захара <Малинковича> мама ей сказала, что я будто уже давно изменил свою жизнь что получил хорошее место и высокое жалованье (!) Теперь я понял откуда идет такое недоверие ко мне. Так вот Элочка я прошу: пускай мама зайдет к Захару и от меня ему заявит что даже сейчас (16 июня), т.е. больше месяца после конца войны мое положение осталось тем же как было 7 лет назад. Может быть он может что либо сделать чтобы мое положение изменилось к лучшему, а главное, чтобы вызвать меня или к Вам или поближе к Вашим краям. Хорошо бы работать, если нельзя по научной или исследоват. работе то по специальности: инж. механика или по паротехнике. Твой Папа»	«освобождении» А.А. или переводе его в вольнонаемные, то этого не было (последнее подтверждает и справка из Гос. архива Магаданской области). Зачем и кому понадобилась подобная клевета? Видимо, разрушая семью, НКВД (с которым был тесно связан Малинкович) намеревался таким образом отрезать А.А. пути домой и побудить его в конце концов остаться работать в Магадане. Специалисты Дальстрою были остро нужны, об этом пишет и А.А. – Либо же это было только «прикрытие» секретной инструкции НКВД от 22 июня 1941 г. о задержании до особого распоряжения определенных категорий политических, положившей начало многолетнему существованию «пересидчиков».
5 июля 1945 г.	Жена Мария Иосифовна	«Родная Мурочка! От тебя последнее время не получаю абсолютно ничего. На письма просто не отвечаешь, на телеграммы тоже никакого ответа. Я подумал сначала, что причина заключается в отсутствии денег и послал пару телеграмм с оплаченным ответом, но и их постигла та же судьба: они как бы упали в бездонную пропасть. Наконец 21 июня я соскреб последние свои сбережения, которые я копил несколько лет (на обмундирование после освобождения) и послал тебе телеграфом 340 рублей. Прошло уже 15 дней, а подтверждения от Тебя тоже нет. Я понимаю, что тебе не до писания писем. Тяжелая работа на службе, горе, горькая нужда и преследования – дома, вряд ли могут располагать к писанию, да еще такому человеку как я. <...>» «<...> Я до сих пор не понимал, почему так резко изменилось Твое отношение ко мне и только сопоставляя отдельные письма как Твои, так и другие, я наконец понял в чем дело. Ты была уверена, что мое положение давно уже изменилось, что я свободен, получаю хорошее жалованье и даже завел новые связи, которые удерживают меня здесь на Колыме. Я помню время, когда у Вас было туго с квартирой и Ты мне даже предлагала взять к себе Светку. Я был поражен и не мог тогда очухаться. С одной стороны жизнь в бараке на 30 человек, вагонная система и спанье на верхней полке и приезд моей маленькой любимой дочки. Призыв к помощи Тебе и мое собственное беспомощное положение? Да, мое положение должно было измениться еще в декабре 1942 года. Я сам ожидал этого дня, как начала новой жизни. Но тут война. И все отложилось до конца войны. Теперь и война кончилась, а у меня попрежнему ничего не изменилось. Сколько времени	Жена давно не пишет, игнорирует даже оплаченные телеграммы и возможно потерянный почтой перевод... Не поминая Буренкову, от которой А.А. получил эту информацию (скрывая или избегая напоминания о факте своего общения с ней), пытается развеять заблуждение М.И. относительно своего освобождения и «новых связей», в которое ее ввел Малинкович. А уверенность М.И. и старшей дочери в этом «освобождении», материальном благополучии, видимо своей квартире и «новых связях» А.А. действительно была велика: когда жулик Мачерет лишил семью квартиры, она, оказывается, предложила ему взять <i>к себе</i> (на наты?) ребенка – Свету! Снова описывает реальное положение дел: в условиях жизни А.А. ничего не изменилось – лагерное существование, нездоровье, тяжелое моральное состояние. Целая партия больных уже уехала на «материк», но не А.А. Настойчиво просит жену обратиться к Малинковичу, несмотря на то, что уже знает, что именно тот оклеветал А.А. перед женой. (Кстати, не мог А.А. и не предполагать, что Малинкович до ареста сознательно его провоцировал – о разговоре Малинковича и А.А. за неделю до ареста см. выше.) Ход мыслей А.А. ясен: Малинкович лжет не по своей инициативе, а выполняя задание НКВД (стимулировать специалистов не

		может продолжаться такое положение не знаю. Порой меня охватывает отчаяние и полная безнадежность. Но даже если решится вопрос о моем положении (освобождение), то возникает второй, не менее важный вопрос о выезде отсюда. Я вижу только один выход. Это хлопотать в центре. Хлопотать надо только перед НКВД и нигде больше. Очень прошу тебя зайди к Захару <Малинковичу>, объясни ему мое положение. Несколько моих товарищей, таких же специалистов как и я по вызову НКВД уехали отсюда, получили работу и освободились. Если он не знает пусть поговорит с Зам Наркома Завенягиным. Обычно он решает такие вопросы о вызовах специалистов. О моей работе здесь ему может также рассказать (а может быть и помочь) Егоров, который был у нас Главным Начальником (комиссаром) а теперь в Москве в каком-то управлении НКВД. Он знает меня по здешней работе. А может быть и сам Захар может меня вызвать работать по ведомству, где он сам работает? Я согласен на любую работу и в любом месте СССР, лишь бы отсюда вырваться. Климат здешний настолько вреден для меня, что и сами врачи меня признали подлежащим отправке на "материк", но в отношении специалистов существуют особые положения. Одна партия больных уже уехала, но меня в первую партию не взяли. Может быть увезут во вторую или в третью партию, а может быть совсем не возьмут! На это я мало надеюсь. Сердце у меня больное, цынга и если я отсюда не уберусь, то жить мне осталось не долго. Физически конечно не работаю, но вся обстановка, климат и природа, а главное мое положение, действуют на меня удручающе...»	покидать Дальстрой), и это не мешает ему просить за А.А. на личном уровне. Связь Малинковича с НКВД, где по мнению А.А. только и имеет смысл хлопотать, очевидна. А.А. допускает, что и сам Малинкович мог бы его вызвать работать «по ведомству, где он работает». ...Малинкович, как уже говорилось, погиб (пропал без вести на фронте) в апреле 1942-го; семья А.А. до августа 1945-го года об этом не ведала.
13 июля 1945 г.	Старшая дочь Эльфрида	«Родная Элечка! Развиваю те мысли, которые развивал в своем последнем письме. Особенно мне врезалось в память одно выражение из твоего письма "я не удивилась бы, если б узнала, что ты не захочешь сделать этого" – то есть приехать в Москву и жить с Вами. Дальше ты пишешь: "может быть у тебя есть другие, более поздние привязанности?"» «...< Это> мысль, которая вероятно глубоко вкоренилась в сознание Твое, мамы и даже Светки (ее письма стали какие то формально сухие). Я тебе очень благодарен за эту откровенность. Без твоей помощи я вероятно никогда не узнал бы причину разрыва с детьми и семьей. Эти слова являются для меня как бы откровением. Я начинаю многое понимать: и обращение ко мне за помощью когда Вас выселяли из квартиры и некуда было деваться и тот бойкот молчания и презрения, которым Вы меня окружили сейчас. ...» "В твоём письме есть 3 положения: 1) что я давно уже освободился, получаю хорошее жалованье, имею квартиру и службу [из факта обращения ко мне во время вашего выселения из квартиры] 2. Я не хочу вернуться в Москву и жить со своими детьми и семьей 3. У меня имеются уже другие привязанности, приобретенные уже здесь. Несмотря на чудовищную дикость этих положений и именно поэтому, постараюсь хладнокровно разобрать эти положения. 1. Я до сих пор заключенный, хотя по закону должен быть на свободе еще 14/XII 1942 года. Живу в лагере в бараке где живет 40 человек, мое место – верхние нары. Питание – обычное, баланда жидкая и больше ничего. Пакет 600 гр. хлеба. Жалованье 90 р. в месяц – идет на прикупку недостающей пищи. На работу и с работы водят под конвоем. Пересиживаю 2 года и 7 месяцев. В таком же	Продолжается тема письма месячной давности, от 12 июня, которая составляет для А.А., да и для всей семьи вопрос жизни и смерти: внушительное жене А.А. предположение, что А.А. имеет в Магадане фактически другую семью и сам не пожелает вернуться. Наконец А.А. получает возможность обсудить этот вопрос напрямую. «< Это> мысль, которая вероятно глубоко вкоренилась в сознание Твое, мамы и даже Светки (ее письма стали какие то формально сухие). Я тебе очень благодарен за эту откровенность. Без твоей помощи я вероятно никогда не узнал бы причину разрыва с детьми и семьей. Эти слова являются для меня как бы откровением. Я начинаю многое понимать: и обращение ко мне за помощью когда Вас выселяли из квартиры и некуда было деваться и тот бойкот молчания и презрения, которым Вы меня окружили сейчас»... А.А. подробно, по пунктам разбирает вопрос, опровергает, уверяет, убеждает в том, что дети для него главное в оставшейся жизни... «Неужели я такой мерзавец, чтобы оставить беспомощных детей на произвол судьбы. Неужели мои письма, моя любовь к Светке и Тебе – это сплошная ложь? ... Но если я в твоих глазах "такой" человек (мягко выражаясь) то я удивлен как Ты можешь меня любить, даже просто уважать...» Здесь, видимо, ему даже приходит в голову подозрение, что сам факт его осуждения может бросать на его моральный облик, в глазах дочери, тень, и отвечает на него: «Я много не пишу и

		положении довольно значительное количество. Когда наступит прояснение никто ничего не знает. Ждут указаний. На днях был указ об амнистии, коснулся большого числа людей, но только не нас, пересидчиков. Особенно большая тоска нападает, когда кругом радуются и готовятся выйти на волю. Тогда не знаешь куда деваться, с кем забыться за разговором или партией шахмат. Бродишь, бродишь внутри ограды зоны лагеря взад и вперед один, погруженный в тяжелые думы о доме, о детях, о их жизни и лишениях. Сидишь как зверь в зоологическом саду, без клетки, но за глубоким рвом. Мысленно видишь свой дом, родные места и людей, но выпрыгнуть не можешь. Есть только один человек, с которым часто коротаешь время. Это профессор Ленинградского инст. Путей Сообщения Шк... <О ком речь, выяснить не удалось – А.Г.А.> Он такой же одинокий и замкнутый как и я. Никто и ничто нам здесь не мило. Люди большей частью противны, они настолько портятся, что, как волки, готовы перегрызть друг другу горло и погубить другого, если им хоть малейшая польза. 2. Сама суровая природа располагает к бессердечию, эгоизму, жестокости, да и большинство людей в прошлом не отличались <хорошими> качествами: все-таки уголовные преступники – воры, убийцы, бандиты и проч. Самые счастливые, которым все завидуют, это инвалиды и серьезно больные, так как они имеют хоть маленький шанс на то, что их повезут на материк. Я здесь почти 8 лет, но не встречал людей, которые пожелали бы добровольно здесь остаться после освобождения. Правда здесь много "договорников", но они приехали либо "за длинным рублем" или в силу парт. дисциплины. Кроме денег ничто не может человека привлечь. 3. Наконец по пункту о "привязанностях". В отличие от нормальных условий, здесь могут возникнуть так назыв. "привязанности" только на почве принудительного проживания в одной местности в тяжелых условиях жизни. В особенности это относится к молодым людям в возрасте от 18 до 35 лет. Выхать нельзя, на материке никого не было или уже нет, к которому бы тянуло; а жить нужно. В результате люди женятся, выходят замуж, строят себе халупку-землянку и оседая, разводят детей. Но какое отношение это может иметь ко мне? Мне сейчас идет 54 год, истощавший, больной старик, а самое главное еще заключенный. У меня есть дом, любимые дети. ... Они нуждаются во мне и ждут моей помощи. Жена больная и дышит на "ладан". ... Не пойму кому могла притти в голову такая сумасбродная мысль о каких-то привязанностях, нежелании вернуться домой и остаться в "аду". Неужели я такой мерзавец, чтобы оставить беспомощных детей на произвол судьбы. Неужели мои письма, моя любовь к Светке и Тебе – это сплошная ложь? Даже Ты, Элечка, студентка Университета, пишешь, что "не удивилась бы..." Но если я в твоих глазах "такой" человек (мягко выражаясь) то я удивлен как Ты можешь меня любить, даже просто уважать. ...» «Я много не пишу и не могу писать по понятным Тебе причинам, но в отношении к детям у меня ясная, отчетливая линия: жить так, чтобы детям не надо было стыдиться своего отца. Для этого я много страдал, когда нибудь Ты об этом узнаешь. Вы для меня все. Вы – это я сам в будущем. В особенности когда я смотрю на Тебя и вижу свои черты и склонности, ту миссию, которую я не смог осуществить. ...» «Помоги мне Элечка освободиться отсюда – выгнать на свободу и уехать отсюда. Об этом я одновременно пишу маме и Тебе. К кому же я могу обратиться за помощью как не к родной дочери. Прошу о малом –	не могу писать по понятным Тебе причинам, но в отношении к детям у меня ясная, отчетливая линия: жить так, чтобы детям не надо было стыдиться своего отца. Для этого я много страдал, когда нибудь Ты об этом узнаешь...» («Многого не пишет» – видимо, не имеет возможности прямо сказать, что сажают невиновных, и стыдиться его нет оснований.) ...Если только А.А. сумеет освободиться, он и наладит отношения, и устроит благополучие семьи. Освобождение реально – ведь выполнены все условия (кончен срок, примерная работа в лагере, возраст, заключение врачей...) Но для этого, как кажется, семье надо приложить последние усилия – и он почти отчаянно призывает Эльфриду к этому. «Помоги мне Элечка освободиться отсюда – выгнать на свободу и уехать отсюда. Об этом я одновременно пишу маме и Тебе. К кому же я могу обратиться за помощью как не к родной дочери. Прошу о малом – обратиться к дяде Захару (Малинковичу). На него у меня единственная надежда. Он через НКВД... и т.д.» Между прочим, Малинкович для детей А.А. – «дядя Захар», причем фамилия «дяди» указывается им для Эли в скобках – очевидно был давно вхож в семью...
--	--	--	---

		обратиться к дяде Захару (Малинковичу). На него у меня единственная надежда. Он через НКВД (Завенягина или друг.) может добиться того, что меня отсюда вызовут для работы в Москву или другое место. Целую Тебя крепко Папа. Мой адрес в лагере: почтовый ящик 261/3 по службе: Сталинская, 5»	
27 июля 1945 г.	Жена Мария Иосифовна	«Срок моего заключения кончился 14 декабря 1942 года, но меня не освободили, а дали расписаться, что я остаюсь в заключении до конца войны.» «Но вот война кончилась 9 мая 1945 года. С этих пор прошло уже больше двух месяцев, а меня до сих пор не освобождают.» «Ты видно была введена кем-то в заблуждение, что я уже давно свободен, имею хорошую работу и получаю хорошее жалованье. К сожалению это только мечта! Живу в лагере в бараке где 40 человек на верхней наре. На работу и с работы иду под конвоем. Питаюсь в лагере на общем столе. Жалованье мое 90 р. в месяц. Свободно ходить по городу, покупать что-либо в магазинах не имею права. Своего у меня ничего нет, даже одежды. Вот такой я вольный человек!!!» «Если Захар <Малинкович> работает в НКВД зайти к нему. Он был моим другом. Человек он отзывчивый и добрый. Объясни ему мое положение. Он наверно хорошо знает Завенягина. Также он вероятно знает моего бывшего начальника генерал майора Егорова Сергея Егоровича, который работает там же где и Захар. Пускай он за меня замолвит словечко, пусть меня вызовут!!! Может быть у самого Захара найдется какая либо работа для меня?» «А главное зайти к Захару!!!» <i>(Полный текст письма см. в этом файле)</i>	А.А. снова пишет жене, и подчеркивает, как если бы у ней могли оставаться в этом сомнения (а они видимо оставались), что его из лагеря не выпустили и условия жизни для него губительные. Высказывает догадку, что та была введена «кем-то» (зная, кем) в заблуждение, якобы он уже освобожден и благополучно устроен. Снова просит обратиться за помощью в освобождении (вызове на материк) из лагеря к Захару Малинковичу, т.к. тот, по своему положению, отношению к НКВД и личным знакомствам (с Завенягиным, зам. наркома НКВД, и Егоровым, нач. Дальстроя), имел возможность повлиять на ситуацию. Уверяет М.И., то ли действительно не веря в злонамеренность Малинковича, то ли в порядке дипломатической хитрости, что «человек он отзывчивый и добрый».
31 августа 1945 г.	Старшая дочь Эльфрида	А.А. сетует, что получил за лето мало известий от семьи, «если не считать срочной телеграммы о том, что Захар <Малинкович> умер и Вы обратились к помощи Анатолия. Я ожидал от Вас, что получу теперь от Вас ряд писем и телеграмм. Вероятно нужен будет ряд справок и дополнительных данных. Но все по прежнему спокойно.» «Написал бы прямо Анатолию, но его адреса не знаю и не уверен будет ли полезно и допустимо непосредственное обращение к нему.» «...Лишь бы не зимовать здесь еще одну лютую зиму. Я пока еще в заключении хотя и последняя война с Японией окончилась. Но теперь ходят упорные слухи что в середине сентября этого года будут освобождать пересидевших и это весьма вероятно, так как нет никаких оснований, чтобы меня дальше держать в заключении. Возможно что как получишь это письмо я уже буду на свободе. ... Но возникает вторая опасность не менее грозная. Меня могут здесь задержать и не выпустить из Колымы то есть из системы Дальстроя НКВД СССР (наше конструкторское бюро есть отдел Дальстроя НКВД). Очень жаль что умер Захар. Но может быть Анатолий сумеет что либо сделать для моего вызова. Еще раз повторяю: нужно как нибудь добиться, чтобы Зам. Наркома НКВД <u>Завенягин</u> вызвал меня в свое распоряжение.» «Вчера получили телеграмму от моего товарища по заключению Флаксермана которого вызвал Завенягин. Он улетел на самолете и сейчас телеграфирует что назначен Начальником строительства крупной станции в Эстонии.» [Флаксерман Юрий Николаевич (Вениамин Абрамович) (1895–1995)] «Второй адрес, который будет пожалуй легче, это обратиться к генерал-майору <u>Егорову Сергею Егоровичу</u>. ... Он меня знает и по работе в Москве и	Захар Малинкович, который, как выяснилось для А.А. только 12 июня 1945 г. от Буренковой (см. письмо выше), ввел Марию Иосифовну, жену А.А. в заблуждение относительно его якобы освобождения, и на которого А.А. тем не менее возлагал особые надежды, умер. (Так написала Эльфрида – а точнее, он пропал без вести на войне еще в апреле 1942-го года.) Анатолий Николаевич Зайцев, к которому семья обратилась за помощью или который сам вызвался помочь – тот, о ком А.А. не раз спрашивал жену в письмах («видишь ли Зайцева» и т.д.) В 1937 г. Зайцев – заведующий издательским комбинатом МММИ, член парткома, был выдвинут помощником районного прокурора. Понятно, что он немного знаком семье. Он – из тех, кто в декабре 1937 года проявил, по выражению из газеты МММИ «Ударник», «гнилой либерализм» (это были, кроме него, Айзенман, заслуживший в «Ударнике» отдельного абзаца, а также Дюков, Чутуев, Жебровский, Наугольников, Симонов, Кунявский, в меньшей степени Зернов и Ховах) и благодаря кому А.А., «гнусного предателя», исключили (перед арестом) из партии со сравнительно мягкой формулировкой, – что, вкупе с героическим непризнанием А.А. своей вины, привело к сравнительно «мягкому» приговору.

		по работе здесь на Колыме. Он был Зам. Начальника Дальстроя НКВД. ... По имеющимся у меня сведениям, он мне охотно поможет, а может быть устроит в каком либо подведомственном ему предприятии. К нему прошу обратиться <u>обязательно.</u>» «Зайди к Анатолию <u>лично</u>. Дай ему прочесть это письмо. На всякий случай пишу и ему лично записку.» «Я здоров, только состояние у меня нервно-напряженное, жду со дня на день изменения своего положения. Крепко целую Светочку, пускай она пишет и меня не забывает. Очень обидно, что ничего не пишет мне мама, что случилось? Привет всем родным. Твой Папа»	А.А. продолжает оставаться в лагере, но напряженно ждет своего освобождения. Опасается, что и после освобождения его оставят работать в системе Дальстроя – что, по состоянию его здоровья после 8 лет заключения, для него неприемлемо. Рассчитывает на ходатайство перед Завенягиным и еще более – перед Егоровым. Нормальные отношения с женой Марией Иосифовной, очевидно, не восстановились.
31 августа 1945 г.	Анатолий Николаевич Зайцев (записка, вложенная в письмо к Эльфриде; не вручена или возвращена)	«Дочка моя Элечка телеграфирует мне, что Ты взялся помочь мне. ... Во мне Анатолий Ты не ошибся, когда в последние дни перед расставанием на многие годы, так горячо и честно совершенно в единственном числе выступал и боролся. Ты шел всегда честно и прямо, шел напролом не боясь опасностей. Сейчас наступило время, когда я обращаюсь к тебе опять. Спаси меня Анатолий! У меня никого нет, кто мог бы оказать мне законную помощь. Я остался тем же кем был и Тебе не придется краснеть за оказанную помощь.» «Я пока еще в заключении, но надеюсь в связи с окончанием войны все таки надеюсь очень скоро освободиться. Нужна ли тут твоя помощь, не знаю.» «...Если даже освобожусь, то опять таки попаду в ту же систему НКВД, только может быть придется работать в другом месте или даже другом городе.» «Беспокоюсь что могут не выпустить отсюда и придется здесь погибать так как я специалист, а их не отпускают; вот здесь нужна Твоя помощь.» «Нормальный путь это вызов через Зам. Наркома НКВД Завенягина. Ты вероятно даже его знаешь, он был Замом у Серго в НКТП.» «Второй путь это обратиться к генерал-майору Егорову Сергею Егоровичу.» «На всякий случай можно обратиться к Малышеву Вячеславу, он наш бывший воспитанник (на кафедре Шелеста А.Н.), работал в мое время директором Коломенского завода.» <i>(Записку полностью см. в этом файле)</i>	Обращается к Анатолию Николаевичу Зайцеву (повторю: в 1937 г. это был заведующий издательским комбинатом МММИ, помощник – или только выдвинут на эту должность – в помощники прокурора Первомайского района). А.А. косвенно говорит, что находится в заключении без вины. А.А. подтверждает, что все еще находится в лагере, и надеется на обещанное освобождение после конца войны (прошло более двух месяцев). Но не исключает, что помощь понадобится. Упоминает об известном нежелании Дальстроя отпускать специалистов. Все это не оставляет сомнения в том, что А.А. даже после срока заключения освобожден не был, а сообщение Малинковича жене А.А. – ложь. Впрочем, опубликованы «совершенно секретные» приказы НКВД, касающиеся задержания отбывших срок политических (см. на сайте). Обращаясь, очевидно, к достаточно влиятельному лицу, думает о возможном вызове в более благоприятные для жизни и здоровья места, чем территория Дальстроя, однако о возвращении в Москву все-таки прямо не просит. Заслуживает памяти: «...когда в последние дни перед расставанием на многие годы, <ты> так горячо и честно совершенно в единственном числе выступал и боролся. Ты шел всегда честно и прямо, шел напролом не боясь опасностей...» Впрочем, в газете «Ударник» за то же самое критикуются еще многие (см. на странице). В дальнейшем Зайцев «повел себя так», что помощи не оказал (см. ниже).
22 октября 1945 г.	Старшая дочь Эльфрида. На адрес: Московский Университет ул. Герцена 6 Биологический факультет	«Дорогая Элечка! Уже прошло лето. Опять зима. Кругом на сопках снег. На улице холодно. В бараке где мы спим дует и довольно прохладно. Хотя стоят 2 печки, но через щели все тепло выдувает. Только что закончил свой двухнедельный отпуск. Как видишь даже заключенным у нас дают отпуск! Он заключается в том, что в течение 14 дней не выходим на работу. Почти целыми днями спал, вставая только для того, чтобы пойти в столовую на завтрак, обед и ужин. Поправился немного, сейчас почти здоров. Первый день опять вышел на работу. Ожидал на службе от Вас много писем, но увы ни одного письма. За все лето не получил от Вас абсолютно ничего, если не считать одной твоей срочной телеграммы. (Странно что кроме срочных, никаких других	Описание магаданской зимы, лагерного быта, отпуска в 14 дней без работы («Как видишь даже заключенным у нас дают отпуск!», «Поправился немного, сейчас почти здоров»)... Все то же напряженное ожидание освобождения, обсуждение «параш», что «пересидчиков» выпустят либо к октябрьским праздникам, либо после выборов в Верховный совет... Не понимает, почему дочь ничего не сообщает о действиях А.Н. Зайцева, который вызвался помочь; видимо, сама Эльфрида еще не знает или это еще не стало ясно, что Зайцев каким-то образом устранился от этого дела. Задает вопросы

		телеграмм от Вас не получаю). Очень беспокоюсь о Вас. Неужели у Вас случилось что либо нехорошее? ... Правда нужно сделать поправку на плохую связь, но нет даже писем от Светки, которая до сих пор писала мне регулярно. ... Сейчас едет случайно один освободившийся товарищ на "материк". Может быть это письмо будет счастливее и я получу на него ответ. У меня положение прежнее. Всё жду что освободят. Среди нас "пересидчиков" много слухов или как мы их называем "параш". Ждем с большим нервным напряжением. Каждый раз слухами называются сроки освобождения, наступает большой подъем, рождаются надежды, но он приходит и все становится как мыльный пузырь; опять наступает тоска, доходящая сплошь да рядом до безнадёжного отчаяния. Вот эти полосы "отлива" особенно тяжелы здесь, где нет буквально не только близкого человека – друга или товарища, но просто существа с которым можно поговорить. ... Сейчас мы опять живем слухами и надеждами. Ждем освобождения или до октябрьских праздников или после выборов в Верх. Совет, т.е. в феврале будущего года. Каковы перспективы на помощь с Вашей стороны (от <А.Н.> Зайцева) Ты мне ничего не сообщашь. Почему Эля так поступаешь со мною? Вообрази себя хоть на минуту в моем положении. Ведь для меня всякое известие о ходе моего "дела" является вопросом жизни. А у меня получается впечатление, что Вы, сдавшие дело Анатолию, забыли про него и про меня. А под лежач камень и вода не течет. Теперь я живу надеждой, что авось скоро освобожусь без посторонней помощи вместе со "всеми" и вот думаю и планирую, что буду делать после освобождения. Перспективы для меня возможны следующие: 1) после освобождения я получаю возможность уехать отсюда на материк. Это весьма вероятно и правдоподобно, так как сейчас существует практика, что всех кому минуло 50 лет и здоровье не в порядке отправляют на материк без задержки. Так существует сейчас, что будет дальше не знаю. Исхожу из настоящего положения, что можно будет уехать отсюда. Дорога до места назначения бесплатная. Плохо будет только с моим внешним видом с моим обмундированием и в том, что приеду в новое место без денег. Вопрос это серьезный, но я его для себя решил: уехать хоть голым и босым, а там "свет не без добрых людей" авось не пропаду. Подумайте и Вы, может быть у Вас другое мнение? 2) Самое главное: куда ехать? Ты понимаешь что вряд ли мне сразу можно будет приехать в Москву. Может быть разрешат поселиться в Малаховке. Сообщи <u>адрес нашей дачи</u>, какого района Малаховка? 3) Могу ли я рассчитывать, что Анатолий мне посодействует устроиться на работе? 4) Если не удастся поехать в Малаховку куда Вы посоветуете мне поехать? Посоветуйся со всеми и с Анатолием. Очень желательно чтобы на эти вопросы Ты ответила срочной телеграммой, я все таки жду, что это (мое освобождение) может быть скоро Привет Светке, Маме, Анатолию Твой Папа»	– сможет ли помочь Зайцев с работой? Можно ли будет приехать в Малаховку (на дачу)? А если нет, то куда? «Посоветуйся со всеми и с Анатолием <Зайцевым>. Очень желательно чтобы на эти вопросы Ты ответила срочной телеграммой, я все таки жду, что это (мое освобождение) может быть скоро...»
10 ноября 1945 г.	Младшая дочь Света	«Милая родная дочка моя Светунька! Неужели даже Ты меня забыла. Ты, которая говорила, что являешься "папиной" дочкой. Уж больше полугода нет от тебя ни одной открытки. А у нас уже зима. Через месяц или два кончится связь вообще на зимнее время. Много я писал Вам писем, использовал всякую возможность, но хоть бы кто ответил! А мне Светка так тяжело здесь! Тоска и безнадёжность гложет мое сердце. В моем положении ведь ничего не изменилось. Я очень беспокоюсь о Вас. Приходят в голову всякие	Все же и супруга и дочери, видимо, не уверены в бедственном положении А.А. (не пишут), хотя может быть, их отвлекли от переписки собственные ужасные обстоятельства. Возможно и то, что письма от А.А. или к нему попросту не доходили. А.А. даже не знает, жива ли жена. Положение А.А. не изменилось – он все так же в лагере, на тех же условиях... Надежды вернуться в семью А.А. не оставляет.

		нехорошие мысли. Думаю жива ли еще мама? не остались ли Вы сиротами. Я знаю что и Ты Света слабого здоровья. не заболела ли Ты, продолжаешь ли учиться и как? Я тебя Светка очень, очень крепко люблю. Ты моя надежда, мое солнышко. Тебе хотелось бы посвятить оставшуюся мне еще жизнь. Вспомни хоть иногда и своего папу в горькой юности твоей. Верю, надеюсь, что еще засветит и для нас родное горячее солнце и даст нам счастье. Крепко целую Тебя, Элечку Маму Твой Папа 10 ноября 1945 г.» <i>(Письмо приведено полностью)</i>	
10 ноября 1945 г.	Старшая дочь Эльфрида. На адрес биофака Московского Университета, «Цибарт Элли, студентке Биофака)	«Родная милая дорогая Элечка!» «Я с большим волнением каждый раз жду, что вот вот и мне почтальон вручит письмо, но все напрасно. ... Может быть с мамой случилось несчастье и Вы остались сиротами?» «Мое положение не изменилось совсем. Сижу по прежнему. Сделал ли что нибудь Анатолий мне до сих пор тоже неизвестно. ... Никто не слышит моего крика отчаянья. ...» «Родная Элечка сообщи откровенно, что у вас случилось? Не заставила ли жизнь бросить учебу Тебя и Светку, если нет, то как перешла на следующий курс? Как живете, как провели лето? Как здоровье мамы? Как бабушка?» «Твой любящий Тебя и Светку Папа»	Анатолий Николаевич Зайцев, видимо, ничего не смог или не захотел сделать, а может не стал и встречаться с Эльфридой. Впрочем возможно и то, что записку А.А. к нему он прочитал при личной встрече с Эльфридой и ей тут же вернул. Записка осталась в письме к дочери. Между тем А.А. все так же в лагере, он в отчаянии. Жена не пишет, да и дочь сообщает о жизни семьи так мало, что А.А. даже не знает, жива ли жена, не пришлось ли дочерям бросать учебу... Я могу только предположить, что Мария Иосифовна все-таки поверила клевете Малинковича (возможно клевета была подтверждена еще кем-то, т.к. очевидно входила в планы НКВД отрезать А.А. пути возвращения к семье и оставить работать в Дальстрое), и вела себя как человек глубоко обиженный, а с нею заодно – и старшая дочь. «Любящий Тебя и Светку» – здесь слышится: что бы ни произошло между мною и матерью, к детям это не относится.
16 марта 1946 г.	Старшая дочь Эльфрида	«Дорогая, родная Элечка! Получил от Тебя письма: от 2/XI; от 23/XI и срочную телеграмму от 6 Марта. ... Чтобы Вы не беспокоились, я ответил Тебе срочной же телеграммой на следующий же день, т.е. 8 марта. Надеюсь, что Вы ее получили. ... Но вот теперь, после войны, было опубликовано, что с 1 Марта восстанавливается регулярная воздушная связь от гор. Магадана до Хабаровска. Самолеты вероятно берут и почту, с тем, чтобы в Хабаровске погрузить ее в вагоны жел. дор. В надежде на это я и пишу не дожидаясь мая месяца. Родная Элечка! Твои письма вдохнули в меня новую струю жизни и робкую надежду на возможность "воскресения из мертвых". Жить то ведь всем хочется и Вам молодым, у которых все впереди и нам старикам, у которых все позади. Надежда "отраду и нам старцам подает". Вот за эту отраду большое Тебе спасибо дорогая. Я уже не маленький и хорошо знаю насколько обоснованы Твои утешения и собственные надежды. Но не это важно и существенно, не это меня опять подняло на ноги. ... Я теперь твердо знаю, что на другом краю света, в далекой, недостижимой для меня Москве, среди многих миллионов людей бьются хоть 2 сердца моих родных детей которые обо мне не только изредка вспоминают, но которым одинаково со мною больно переживать мои страдания. Подумай только каково должно быть мое состояние. Я по существу без всякой вины выброшен из общества, заклеен позором, всеми презрен, всеми отвержен. Я стар и более, может быть, намного более мнителен,	Очень явна интонация обреченности, усталость, предчувствие гибели... Благодарность дочери за теплое письмо, за то, что его любят – это «вдохнуло в меня новую струю жизни», и все же «мне видно здесь могила и Вас родных любимых дорогих детей и жены мне больше не выдать». «Но пока я жив, пока еще хоть немного бьется сердце я буду жить только мыслью о Вас, сознанием, что меня все-таки любят двое невинных чистых существ вопреки всему миру. Не забывайте меня – ваши письма единственное для меня утешение в оставшейся мне жизни. Но если связь с отцом может причинить Тебе неприятности или компрометировать, брось меня, думай о себе, только о себе, Твоя жизнь вся впереди, а я мертвец. Я то теперь все равно знаю, что Вы меня любите.» Сознание бессилия семьи как-то изменить его положение, собственного отчаянного положения дочери... «Как будто Вы что либо были в силах сделать! Не учел я той обстановки в которой Вы живете, не учел того проклятия, которое тяготеет над Вами благодаря вашему отцу!» «Не Вы не хотите, а Вы не можете и

		чем все нормальные люди. Мое положение в течении этих 8-9 лет убеждает меня в том, что я "лишний" человек на земле. Просто неудобно сразу убить. Меня "терпят" кормят лишь бы не умереть, предоставляя все остальное доделать "времени". Кончилось назначенное мне время сидки, но я почти досиживаю уже II срок и конца не видно. Никто обо мне не вспомнит, не говоря о обществе, даже "канцелярия" не позаботится обо мне, чтобы выполнить свой долг и освободить меня. Меня уже нет в живых, я видно уже списан со счета; не считают даже нужным сообщить до какого времени будут продолжать мои страдания. Но я то ведь сам себя еще считаю живым. У меня есть чувства. Я еще мыслю, переживаю! И вот Элечка в такие минуты тоски, отчаяния, я, как утопающий, набросился на Вас, моих детей с упреками, умолая, требуя помочь мне, спасти меня. ... Прости меня Элечка, за мою глупую невыдержанность, но я чувствую, что при моей внутренней конституции, моя психика вряд ли долго выдержит. ... Очень тяжело. Часто мечтаешь о смерти, как о наиболее простом и легком выходе. Вот Элечка коротко о том, что со мною делалось, когда я обращался к Вам за помощью, вот это состояние владеет мною и сейчас. Жить хочется, но разве это жизнь? Я очень жалею, что стал обвинять Вас в том, что у вас по отношению ко мне не осталось ни любви ни привязанности и это тяжелое обвинение сделал на основании того, что Вы ничего не сделали для моего освобождения. Как будто Вы что либо были в силах сделать! Не учел я той обстановки в которой Вы живете, не учел того проклятия, которое тяготеет над Вами благодаря вашему отцу! Ведь старых друзей никого не осталось. Даже просто знакомые отвернулись. Другое дело если бы я был мертв. Тогда может быть опять постепенно раскрылись старые двери. Тогда вам легче было бы пробить себе дорогу в жизнь собственным умом и кулаками. Все это стало для меня ясно, когда я получил Твои письма. Не Вы не хотите, а Вы не можете и сколько бы ни "плакала от горя, бессилия и злобы" не прошибешь бесчувственного камня. Напрасны видно всякие усилия. ... Мне видно здесь могила и Вас родных любимых дорогих детей и жены мне больше не видеть. Но пока я жив, пока еще хоть немного бьется сердце я буду жить только мыслью о Вас, сознанием, что меня все-таки любят двое невинных чистых существ вопреки всему миру. Не забывайте меня – ваши письма единственное для меня утешение в оставшейся мне жизни. Но если связь с отцом может причинить Тебе неприятности или компрометировать, брось меня, думай о себе, только о себе, Твоя жизнь вся впереди, а я мертвец. Я то теперь все равно знаю, что Вы меня любите. Ты спрашиваешь, куда пойти, что делать? Теперь не знаю. Знакомств нет, обращения не помогут. Кроме унижений для себя ничего не добьешься. Остается только писать в официальные учреждения и то без особой надежды на успех. Не Вам, молодым, неопытным такие дела проворачивать! Когда я вам писал, по наивности перебирая в памяти тех людей, с которыми сталкивался в жизни, думал, что они может быть что либо сделают. Это были следующие люди: 1. Калинин Михаил Иванович – Председатель Президиума Верховного Совета СССР 2. Маленков Секретарь Ц.К. ВКП(б) 3. Егоров Сергей Егорович (о нем уже писал) он работает не в НКВД, а говорят Министром Цветной металлургии. 4. Малышев Вячеслав Александрович – Министр транспортного машиностроения 5. Кржижановский Глеб Максимилианович – работал в Академии Наук ССР – Директором Научно-исслед.	сколько бы ни "плакала от горя, бессилия и злобы" не прошибешь бесчувственного камня. Напрасны видно всякие усилия.» «Родная Элечка, маленькая дорогая Светка! Шлю Вам свое благословение. Желаю вам счастья в жизни. Берегите маму и бабушку...»
--	--	---	---

		Института энергетики. Об этих людях я думал, но видно напрасно. Они видно будут в лучшем случае реагировать как Зайцев А.Н., а может быть и хуже. Если бы захотели могли бы меня освободить первые двое, а устроить на работу остальные трое. Но вряд ли они захотят себя пачкать (хотя первые 2 так высоко стоят, что это их не запачкает). Я Вам ничего не советую, ничего не прошу, так как на успех не надеюсь. Если у вас есть действительные друзья посоветуйтесь с ними. Родная Элечка, маленькая дорогая Светка! Шлю Вам свое благословение. Желаю вам счастья в жизни. Берегите маму и бабушку. Они одни Вам остались в этом мире. Я вас крепко, крепко люблю. Вами только живу. Не питайте ко мне обиды, что так много горя из-за меня пришлось Вам перенести. Привет Маме, пусть на меня не сердится, пусть хоть пару слов чиркнет мне. Твой Папа» <i>(Полный текст письма см. на этой странице)</i>	
23 марта 1946 г.	Старшая дочь Эльфрида. Письма, написанные в это же время к жене и дочери Свете, отсутствуют	«23 марта 1946 г. <u>Письмо №2</u> Дорогая родная моя Элечка! Решил написать Тебе специальное письмо на Твое от 23/II-1946 г. Оно настолько содержательно, так тепло, так много в нем новых мыслей и надежд, что нужно подробно на нем остановиться. Настроение у меня убийственное. Потерял всякую надежду когда либо вновь увидеть свободу. На самом деле ведь вот уже скоро будет 9 лет вместо 5, то есть проходит уже второй срок. Конца же не видать. <...> Все время напрашиваются аналогия с обреченным. Раньше я строил планы на будущее, мечтал о нем, ждал с нетерпением, готовился к этому великому историческому дню моей жизни, а теперь у меня полное безразличие, вялость к себе, покорность судьбе. Что будет то будет, мне все равно. Отношусь к себе как к постороннему предмету, как к щепке которая плывет на волнах реки. Была надежда, что авось Вы сможете что либо сделать, теперь и эта надежда рухнула – Вы бессильны, я это теперь понимаю. Но твое письмо настолько необычное, так проникнуто горячим участием к моей судьбе, что поневоле заражаешься твоим оптимистическим настроением и вместе с Тобою опять начинаешь надеяться и мечтать о несбыточном будущем. Дай Бог, чтобы Твои надежды на мое скорое освобождение сбылись.» «Кроме заключения меня сильно беспокоит и само место жительства. Климат и особенно отсутствие овощей и фруктов (то есть витаминов) свели мое здоровье почти к нулю. У меня сильный порок сердца и цынга – две болезни, которые можно хоть немного облегчить южным климатом. И вот эти болезни возможно также помогут мне выбраться отсюда. Правда они не дадут мне свободы, но возможно что меня отправят "на материк" в другой лагерь, где будет хоть легче дышать, где пройдет цынга и вялость, где письма до Вас будут доходить не в 3 месяца, а самое большее в 2 недели, где между нами не будет замерзающего моря. В прошлом году отправили в 3 приема таких же больных как я. Моя очередь была в декабре. Но я отказался поехать, так как боялся пускаться в дорогу по морю зимой. В Охотском море в это время бури и штормы. Будь я вольный дело другое, а то болтаюсь 12-14 дней по морю беспомощный, полуголодный, а потом по этапам и пересылкам. Надеюсь что в списках подлежащих отправке я есть и сейчас и, как навигация опять	Важный и горький факт. В декабре 1945 года у А.А. появилась возможность выбраться на «материк» (как у хорошего работника, а также по медицинским показателям и как у достигшего 50 лет) – но он этой возможностью уже не воспользовался, так как был не уверен, что переживет 12-14 дней переправки по морю, последующие этапы и пересылки, уменьшение хлебной нормы и перспективу общих работ вместо работы по специальности; причем на то, что его вовсе не исключат из списков подлежащих отправке на материк, ему оставалось только надеяться!.. Было ли это трезвым решением или актом обреченности? Или тем и другим вместе?.. «Твое <Эли> письмо настолько необычное... вместе с Тобою опять начинаешь надеяться и мечтать о несбыточном будущем»... Что «необычного» могло содержаться в письме дочери? Здесь, может быть, нелишне сказать следующее. Мама (Эльфрида Адольфовна) была с самого детства очень слабого здоровья, которое после ее 14-летия еще крайне ухудшилось в результате тяжелых условий существования – холода, голода, тесноты, бомбежек, физических перегрузок и постоянного стресса – сложившихся в результате семейной катастрофы и войны. Это был унаследованный порок сердца и склонность к воспалениям легких, наступившее в молодости истощение, сильнейший ревматизм, приводивший к постоянным изматывающим мучительным болям; еще до моего рождения у нее была инвалидность. С детства же она была и крайне психически неустойчива, была по-своему патологически застенчива, боялась людей (гостей например), встреч и контактов с незнакомыми. В этом ее еще благополучном детстве бабушка пыталась ее отучить от этого свойства – заставляла, например, подходить к

		откроется, меня могут отправить на "материк" (так у нас называют все места кроме Колымы). Там мне конечно будет хуже, так как уже придется работать не по своей специальности, а на общих работах и хлеба будут давать меньше. Но зато там будет теплее, там будет вдоволь овощей, там легче и быстрее можно с вами связаться и главное уже выйду из ведения Дальстроя. Вот Элечка и эта перспектива является для меня вполне реальной, если не освободят до этого времени. Если это случится, то попрошу товарища дать Тебе срочную телеграмму "уехал материк".» «Настроение у Тебя действительно весьма оптимистическое. Оно и меня настроило на радостный и мечтательный лад. В моем положении, только в мечтах и заключается жизнь! Ты мечтаешь о том, что может быть будет после моего освобождения. Как будто этот основной вопрос уже решен или вот-вот должен решиться. Но Элечка это не так. Может быть придется еще долго ждать; может быть мне еще придется умереть, что и могилы моей не сыщешь. А может быть что Вам придется еще постучаться в офиц. учреждения, чтобы Вашего папу вернуть к жизни.» Мечтая о возможных местах будущей работы на свободе, А.А. пишет: «не обязательно столица или областные центры – главное, чтобы там можно было найти работу. А это тоже не легкий вопрос. Не забывай, что я запачкан и не так охотно меня возьмут. На какую работу я был бы пригоден? 1) на преподавательскую или учебную работу 2) в какойнибудь исследов. Институт 3) в лабораторию на заводе или Институте 4) на производство по специальности, т.е. теплотехнике (на паровозный, котельный, локомотивный, турбинный завод, на электростанцию или заводским механиком, на железн. дорогу, по холодильному делу и проч. Все это желательно, но мне выбирать не приходится. Соглашусь на что угодно вплоть до табельщика, сторожа, лишь бы можно было прожить и воспитать Светку, вывести ее в люди. У Вас есть кой какие знакомые, может быть они могут помочь устроиться (скажем тот же дядя Митя) или можно обратиться с официальным ходатайством к какомунибудь большому человеку, стоящему во главе какого либо министерства. Из опубликованного списка министров я знаю и меня знает только один. Это министр транспортного машиностроения Малышев Вячеслав Александрович. Он учился у нас, был Директором Коломенского Завода. он как раз стоит во главе министерства, которое по моей специальности. У него должна быть всякая работа: и ВТУЗы и Техникумы и лаборатории и производство. И места есть подходящие...» «Твое предложение о продаже дачи. Благодарю Тебя за заботу обо мне. Но мне кажется, что с этим надо обождать. Сначала нужно устроиться на новой работе, чтобы узнать насколько прочна работа, освоиться с обстановкой жизни на новом месте, а потом уже решить вопрос о даче. Пока торопиться некуда, очень хорошо иметь дачу в резерве. Насчет посылки денег? Думаю что у меня вряд ли хватит совести у Вас, голодающих просить материальной помощи. Только в самом крайнем случае, когда выхода действительно не будет, решусь на этот шаг. Пока же об этом и не думайте. Вот кажется все по Твоему письму. Большое, большое Тебе спасибо, за такое письмо. Побольше и почаще получать такие письма, тогда еще жить можно – хотя бы в мире грез и фантазий. Ничего не знаю про Твою учебу? не знаю даже к чему Ты готовишься. Сейчас читаю биологию: Лункевич "Основы жизни". Вижу что это наука прямо необъятная, тут нужна какая то более узкая специализация. Что же Ты выбрала?	незнакомым взрослым и спрашивать у них, который час – и мама вспоминала, как это было для нее мучительно. Наблюдая ее ребенком, сам А.А. опасался за ее будущее (см. выше). То же свойство, в общем, осталось у нее и во взрослой жизни. Зная ее, я с трудом могу себе представить, как она – ко всему перечисленному еще и дочь «врага народа» с немецкими именем, отчеством и фамилией – справлялась с той миссией, которую А.А. вынужден был возложить в т.ч. на нее: ходатайствовать перед разными «большими людьми», заходить к кому-то из них, как предлагал А.А., непременно лично, обивать пороги партийных чиновников... Продать дачу, благодаря которой только и можно было выжить, ей было бы явно легче. Кроме того, она, при своих способностях (особенно, кстати, математических) и здравом взгляде на жизнь, во всяких слишком сложных жизненных обстоятельствах невольно уходила в «мир грез и фантазий», где все устраивалось так, как ей было возможно вынести. – А.А. видимо наконец убеждается в этой ее «необыкновенности» и соглашается с ней помечтать – об освобождении, будущей жизни в разных городах, работе по специальности, воспитании Светы... «В моем положении, только в мечтах и заключается жизнь! Ты мечтаешь о том, что может быть будет после моего освобождения. Как будто этот основной вопрос уже решен или вот-вот должен решиться...» А.А., повторю, чувствует себя обреченным. «Вы бессильны, теперь я это понимаю.» «Не забывайте меня!!»
--	--	--	--

	Целую Тебя, Светку и Маму крепко крепко Твой Папа Привет бабушке, Саше. Не забывают меня!! Светке написал отдельное письмо, также и Маме только по адресу: Каланчевская 49 кв 23 (Полный текст письма см. на этой странице)	Составил младший сын Эльфриды Адольфовны А. Абелев
--	---	---

НЕКОТОРЫЕ ПИСЬМА ИЗ СПИСКА ПОЛНОСТЬЮ (плюс отрывки из двух писем)

Письмо к жене, Марии Иосифовне Цибарт 6.02.1944

Гор. Магадан 6/II 44 г.

Дорогая родная моя Мурочка!

Вчера получил сразу 4 письма. А маленькая моя Светуня перехитрила Вас, взрослых и написала своему папочке не одно, а целых 2 письма и целиком своей рукой, включая и адрес на конверте. Вот молодец. Она хотела доказать, что любит меня больше, чем Элочка. Это так трогательно с ее стороны и я верю, что она действительно сохранила ко мне всю ту любовь, которую я наблюдал 6 лет тому назад. Время не ослабило, а вероятно еще усилило ее привязанность ко мне. За это большое спасибо в первую очередь Тебе, дорогая моя Мурочка. В этом сказывается твоя честная и большая душа. Несмотря на то, что я сделал тебе столько зла, был причиной столько страданий, горя и унижений, вот уже в течение больше 6 лет, Ты не оттолкнула детей от отца, не чернила его памяти в их детских сердцах. Этого я никогда не забуду. Ты мне вернула смысл и цель жизни. У меня было потеряно все. Я действительно много перенес и передумал, переоценил свои прошлые взгляды и отношение к людям и идеалам. Пришел я к выводу, что с прежней жизнью у меня силой обстоятельств и волей судьбы все порвано. Нет у меня детей, нет жены, нет друзей. Часто думалось, когда я постучу, кто мне откроет двери, когда опять вернусь и не находил ответа. Мысли перебрасывались иногда, как это ни странно но сестру свою Иду, но она очень далеко и у нее своего горя и своей нужды достаточно. Выводы получались весьма мрачные. Я падал духом, сомневался хватит ли у меня сил начать совсем новую жизнь, совсем чужим человеком, среди чужих людей, враждебных мне как к человеку "клеяному". Теперь я твердо знаю ради кого и для чего я должен (именно должен) жить. Знаю, что есть существа, которые меня любят, которым я дорог. Не только потому что им нужен. Знаю, что ради этой цели стоит жить. Скажу тебе, что отсюда издалека, где можно шире и объективнее оценить людей и дела, мне мои дети нравятся. Из них вырабатываются прекрасные люди. Возьму Элочку. Я ее оставил 6 лет тому назад. Она была наивным подростком слабая здоровьем и слабая волей. Правда в ней сильно сказывалось воспитание матери: честность, правдивость, нравственная чуткость и отзывчивость. К самостоятельной жизни, к борьбе за существование она не была приспособлена и я часто со страхом думал, как она будет жить. Ветер жизни будет ее метать из стороны и она быстро упадет не будучи в силах подняться вновь. И что же я вижу теперь (я сужу только по последнему письму). Прежде всего меня поразило резкое изменение ее почерка. В нем бросается в глаза и характер, внутренняя организованность и твердость. А затем сам стиль письма и форма изложения. Уже по этим 2 чисто внешним показателям я себе представляю свою дочку. Я сравниваю это письмо с тем, которое я получил от нее, когда она училась в школе. Как трезво и правильно она смотрит на людей и создавшееся положение в семье! Ни намека на хныканье или жалобы-стоны. Она вступила в борьбу с жизнью, она буквально собственными руками завоевывает себе право на жизнь, закаляет свой характер и волю. Она выйдет победителем. Только между строк ее письма можно узнать, что вынесла ее молодая еще не окрепшая душа за эти годы, как она возмужала нравственно и физически. С каким эпическим спокойствием и чувством нравственного превосходства она пишет про "издевательства, оскорбления" вашего соседа по квартире этого мерзавца "инженера-изобретателя"! А что значат в устах молодой девушки "дневала и ночевала по знакомым и в университете", так как по милости этого мерзавца Вы оказались выброшенными зимой в помещение без окон, без печи и без дров. А как можно было в этих условиях подготовиться и сдать экстерном экзамен за 10 класс! Я в восторге от нашей Элочки! Она герой. Как жаль, что я в своем положении ничем не могу ей пока помочь. Она избрала правильный путь в жизни. Как радужно она смотрит на будущее! Хватило бы у нее только сил выдержать все трудности на ее пути. Я знаю, что пока родная Мурочка жива, она будет продолжать учебу. Очень прошу и Сашу помочь, если тебе будет по состоянию здоровья очень тяжело. А там Бог даст, что и я в скором времени встану в Ваши ряды. О Светочке и говорить нечего. Меня радует, что она отличница, что она по выражению Элочки такая же "резвушка", что она меня любит по-прежнему несмотря на свалившееся на вас несчастье, несмотря на постоянные издевательства, оскорбления "инженера-зверя", которые она конечно слышала и которые как-то откладывались в ее детской душе и связывались с ее отцом.

Да Мурочка, полученные от Вас письма были для меня настоящим откровением и величайшей радостью. Много я узнал из них о Вашей жизни, хотя не все для меня еще понятно. Я их пока перечитываю каждый день и, вникая в них, все больше воображаю себя в Вашей среде и в обстановке, чтобы лучше представить себе положение. особенно меня пугает твое положение здоровья. Ты очень мрачно смотришь на предстоящую зиму. И конечно это понятно, для легочного больного в квартире без стекол, без печи и особенно без дров (кстати не понимаю, что значит "поедем всей семьей в Малаховку за дровами"?) прожить зиму, да к тому же ездить на работу в рваных ботинках. очень тяжело. Меня это крайне беспокоит и как только получу деньги дам телеграмму, чтобы узнать про твое здоровье. Крепись друг, береги себя как только можешь, скоро, очень скоро я надеюсь тебя сменить!! Не сдавай позиций, чтобы наша Элочка могла спокойно учиться в Университете, а Светка в школе. Думаю и надеюсь, что война в этом году кончится и я сумею вернуться домой.

Большое Тебе спасибо дорогая Мурочка за хорошее и доброе письмо, но все-таки много вопросов из Вашего быта для меня еще неясно и поэтому задам тебе еще ряд вопросов: 1) неужели буквально все твои друзья покинули тебя? Неужели нет никакого исключения? Как вел себя Захар Малинкович и Ида? Помнится что еще три года назад он давал мне телеграмму, что Вы все здоровы. Что слышно о Зайцеве, не встречала ли его? Как Шевцов <предс. профкома МММII>? Кого еще встречала из институтских людей?

2) Кто теперь у Вас сосед по даче? Тот же Зыков или другой кто-либо. Если Зыков, то как у Вас отношения с ним?

3) Что за человек кому продали комнату на даче?

- 4) Где это Метростроевская улица, куда Вас переселили? Я что-то такой улицы не слышал и никто из здешних москвичей не знает про такую улицу. Какова связь (метро, трамвай) Вашего нового жилья с работой и местом учебы Элечки и Светки?
- 5) Кстати где (в какой школе) учится Светка, какими болезнями она болела за время моего отсутствия?
- 6) Где работает Саша <брат Марии Иосифовны Александр Шарий, освободившийся к этому времени из заключения> и сколько получает? Какой ваш месячный бюджет (с твоим заработком)? Кстати о каких огородах ты пишешь? Где у Вас имеется огород?
- 7) как поживает Петя <брат М.И.> и моя любимица Наташа? <племянница>
- О себе мало могу писать. Жаловаться мне не на что. По военным временам живу неплохо, да кроме того работаю по специальности инженером теплотехником. А о жизни и прочих вещах может рассказать Саша, только с той разницей, что в мои годы стало во много раз тяжелее. Здоров, за последние годы ничем не болел. Неважно только с сердцем. Напиши как прошла зима? Привет бабушке <матери М.И.>, Саше и всем нашим "новым" друзьям.
- Целую крепко крепко Ацек.

Письмо к старшей дочери Эльфриде 13.02.1944

Магадан

13 февр. 1944 г. Дорогая родная моя Элечка!

4 февраля получил сразу 4 письма от Вас. Шли они недолго, всего 2 месяца, но здесь я их получил только через 4 месяца после отправки, так как за это время переменил место жительства и успел снова вернуться на старое место. Таким образом мой адрес (почтовый ящик 26 1/3) не изменился. Большое спасибо Тебе за подробное письмо. Из Твоего письма и из письма мамы я себе довольно ясно представляю Ваше житье. Как я и ожидал, живется Вам очень не важно. Но самое главное – Вы все живы. Меня особенно беспокоит здоровье мамы. Ей ведь приходится тяжелее всех. Она не любит жаловаться и ныть и если уже она сама (в письме ко мне) опасается выдержит ли она эту зиму, то дело вероятно действительно угрожающее. а что Вы бедные будете делать если она слегнет? Что будет тогда с Твоей учебой и с учебой Светуни? Также неясно для меня что происходит со здоровьем Светки? В чем дело? Ведь она, когда я Вас оставил, была как будто совсем здоровой? Напиши чем она болела за время моего отсутствия. Может быть дело тут в недоедании? Да и как моя родная дочка Твое собственное здоровье? Ведь именно Ты из всей нашей семьи отличалась особо слабым здоровьем. именно за тебя мы с мамой больше всего беспокоились. Как обстоит дело сейчас? Как отразились на Тебе все мытарства последних лет? Я удивляюсь как Ты можешь в таких тяжелых внешних условиях быть еще отличницей в учебе. Ведь этого можно достигнуть только крайним напряжением нервов и здоровья, но так ведь не долго выдержишь. Как и где ты питаешься? Вероятно в студенческой столовке? Есть ли что одеть и обуть? Ведь эти вещи очень дороги и должны здорово отразиться на Вашем скудном бюджете. Ты теперь, как рисуешь Тебя Светуня, совсем большая. Ты не только студентка, но и барышня и одеться нарядиться ведь хочется. Все мы переживали эти годы и знаем что такое молодость! У меня сердце обливается кровью, что я, родной отец, ничем не могу помочь тебе именно теперь, когда моя помощь особенно нужна! Вспоминаются свои собственные студенческие годы. Отец был вагоновожатым на трамвае в Лодзи, получал 60 р. в месяц и основательно к тому же выпивал. Семья состояла из матери и 4 детей. 2 сестры и брат учились в гимназии.

Никаких стипендий в это время не было, матери приходилось очень тяжело, а я поехал в далекую Москву учиться с 5 рублями денег в кармане. Помню, что все таки мама напрягла все финансы и я поехал не как нибудь, а во II классе! В Москве пришлось не только учиться, но и зарабатывать на существование уроками. Из дому конечно ничего не получал, стипендии никакой, хорошо еще если освобождали от платы за учение. Мне тоже трудно доставалась учеба, но Твое положение куда хуже, тяжелее моего. Ты должна заботиться не только о себе, но и о семье. А затем Тебе вероятно все таки приходится считаться с тем, что Ты дочь «такого» отца как я. Кстати состоишь ли ты еще в комсомоле и что там делаешь, не прекратят ли тебя отцом, как это было на старой квартире со стороны «инженера» отважно воюющего с беззащитными женщинами и детьми.

Мне интересно как ты избрала био-фак, ведь выбор специальности в Твои годы, очень тяжелая вещь. Как это получилось? Случайным ли стечением обстоятельств или сознательно после зрелого обдумывания. Модным ведь теперь являются авиация медицина, но отнюдь не биология. Приходилось ли сдавать конкурсный экзамен? Какой был контингент приема? В каком Ты Университете учишься, в I или во втором? Я лично очень одобряю Твой выбор. Если бы мне теперь, после прожитой жизни можно было начинать жить, я выбрал бы Твою специальность. В моем воображении это одна из немногих специальностей, где имеются неограниченные возможности для исследования и ученого, не говоря уже о том, что наука «о жизни» вообще сама по себе чрезвычайно интересна.

Какую область (специальность) ты думаешь избрать себе в этой огромной науке? Какие дисциплины Тебя особенно увлекают? К какой деятельности стремишься после окончания? К работе ученого, исследователя или практического работника в промышленности и хозяйстве?

Много лет прошло с тех пор, как мы последний раз видались. Ты была тогда ребенком, теперь взрослая и вполне самостоятельный человек. Мне трудно судить о Тебе по тем впечатлениям, которые остались у меня, но мне почему то кажется по ряду косвенных данных, что у тебя склад характера ученого, что Ты подходишь к вещам очень глубоко и стараешься проникнуть «в корень», а не только ограничиваться взглядами установившихся авторитетов. Жалко, что у Тебя нет обстановки для самостоятельной работы, что не за что покупать книги.

Как у тебя личная жизнь? Кто Твои товарищи и друзья? Мне очень интересно знать о Тебе все. Ведь я не только отец, но и педагог, недаром я 8 лет стоял во главе крупнейшего ВТУЗ'а.

Если бы мы были вместе, я мог бы во многом помочь Тебе, не считая материальной стороны. Ты начинаешь жизнь, идешь в гору. Я кончаю жизнь и качусь вниз. Тяжело чувствовать это; цепляешься за каждый камешек, стараешься подняться, выпрямиться и опять карабкаешься вверх. Но в мои годы и в моем положении это очень тяжело, да к тому же изменяет уже память. Тем не менее я стараюсь не сдаваться, пока держусь. И я в твои годы мечтал, любил свою специальность, стремился стать ученым. Все данные у меня были для этого: и способности и склад характера. Я даже уже начал делать в этом отношении первые шаги, когда мне поручили читать самостоятельный курс для студентов Белорусского Политехнич. Института. Но вдруг налетел шквал. Гражданская война, парт. и общественная работа, а затем высокая административно хозяйственная работа в совнархозах, трестах, В.С.Н.Х. На мое несчастье я не умею отдаваться частично. Я ушел в эту работу целиком, без остатка, забыв и семью и детей. А затем меня стало засасывать все глубже и глубже. Я уходил все дальше и дальше от своей цели, которую ставил себе в молодые годы. Знания выветривались, работать над собою не было времени, а хорошим хозяйственником и особенно администратором все равно не стал. Для этого нужны особые природные качества, которых у меня не было. Моя «полочка» в жизни, о которой всю жизнь мечтал, это углубленная научная и исследовательская работа. Внутри у меня все время происходила борьба. Я никак не хотел стать карьеристом, как многие из моей среды, которые в чинах, обстановке и материальном благополучии видят весь смысл жизни. Наконец мне удалось попасть во ВТУЗ, бросить «высокую» работу в ВСНХ как руководителя всей текстильной промышленности. Я наивно думал, что тут я сумею наконец попасть в свою стихию и заняться наукой. Но несмотря на то, что я начал успешно работать над [собой и] даже начал вести занятия со студентами, мне ничего не удалось достигнуть. Тяжелая административная работа, склоки и подсиживания при свойственной к людям привели меня к настоящему печальному финалу. У меня за эти 6 лет <заключения> было достаточно времени, чтобы продумать и

проанализировать всю свою жизнь. Жизнь меня выкинула из своих рядов формально без всяких проступков и вины с моей стороны «в зените славы» и это является весьма характерным. Основная ошибка в моей жизни заключалась в том, что я дал себя увлечь жизнью, а не пошел по пути начертанному мне судьбой и внутренними данными натуры. Здесь я сразу убедился, что я ничто. Знания почти все выветрились. Профессии – никакой. Дальнейшая жизнь не имеет смысла. Что я буду делать, когда опять вернусь к жизни? Правда здесь я работаю инженером теплотехником, меня ценят, считают меня крепким и авторитетным специалистом. Работаю выполняю <так в тексте> хорошо, мною довольны, в<нрзб> экспертом, успешно проектирую, но что это все значит, если я понимаю, что ничего не знаю из того, что должен знать современный инженер. И вот, чтобы восполнить этот пробел, я очень усиленно работаю над собою. Усиленно учусь, читаю все что только можно достать. Стараюсь таким образом подготовиться к будущей жизни. Не хочу дать себя списать в тираж. Буду бороться за то, чтобы встать в ряды общества полноценным человеком до последней возможности. Пока Бог меня бережет. Я имею возможность над собой работать и как раз в круг моих обязанностей здесь входит исследовательская и рационализаторская деятельность по моей специальности. На здоровье пока пожаловаться не могу. Правда не совсем в порядке у меня сердце, но это в моем возрасте естественно и нормально. Я сыт ежедневно, обут, одет, чего же больше нужно. Мне пожалуй даже лучше чем Вам. Не нужно думать о завтрашнем дне. Правда жалования всего 90 рублей в мес., но мне одному ведь и это трудно расходовать.

На этом пока кончаю. Жду от Тебя, как от дочери и друга частых и подробных писем. Целую Тебя крепко и желаю успеха в учебе и жизни Твой папа

Из письма к старшей дочери Эльфриде 12.06.1945

<...> Только что получил письмо от Буренковой. У ней была мама со Светкой. Со слов Захара <Малинковича> мама ей сказала, что я будто уже давно изменил свою жизнь что получил хорошее место и высокое жалование (!) Теперь я понял откуда идет такое недоверие ко мне. Так вот Элочка я прошу: пускай мама зайдет к Захару и от меня ему заявит что даже сейчас (16 июня), т.е. больше месяца после конца войны мое положение осталось тем же как было 7 лет назад. Может быть он может что либо сделать чтобы мое положение изменилось к лучшему, а главное, чтобы вызвать меня или к Вам или поближе к Вашим краям. Хорошо бы работать, если нельзя по научной или исследоват. работе то по специальности: инж. механика или по паротехнике. Твой Папа

Из письма к жене, Марии Иосифовне Цибарт 5.07.1945

Родная Мурочка! 5 июля 1945 г.

«От тебя последнее время не получаю абсолютно ничего. На письма просто не отвечаешь, на телеграммы тоже никакого ответа. Я подумал сначала, что причина заключается в отсутствии денег и послал пару телеграмм с оплаченным ответом, но и их постигла та же судьба: они как бы упали в бездонную пропасть. Наконец 21 июня я соскреб последние свои сбережения, которые я копил несколько лет (на обмундирование после освобождения) и послал тебе телеграфом 340 рублей. Прошло уже 15 дней, а подтверждения от Тебя тоже нет. Я понимаю, что тебе не до писания писем. Тяжелая работа на службе, горе, горькая нужда и преследования – дома, вряд ли могут располагать к писанию, да еще такому человеку как я <...> Я до сих пор не понимал, почему так резко изменилось Твое отношение ко мне и только сопоставляя отдельные письма как Твои, так и другие, я наконец понял в чем дело. Ты была уверена, что мое положение давно уже изменилось, что я свободен, получаю хорошее жалование и даже завел новые связи, которые удерживают меня здесь на Колыме. Я помню время, когда у Вас было туго с квартирой и Ты мне даже предлагала взять к себе Светку. Я был поражен и не мог тогда очухаться. С одной стороны жизнь в бараке на 30 человек, вагонная система и спанье на верхней полке и приезд моей маленькой любимой дочки? Призыв к помощи Тебе и мое собственное беспомощное положение? Да, мое положение должно было измениться еще в декабре 1942 года. Я сам ожидал этого дня, как начала новой жизни. Но тут война. И все отложилось до конца войны. Ты и война кончилась, а у меня попрежнему ничего не изменилось. Сколько времени может продолжаться такое положение не знаю. Порой меня охватывает отчаяние и полная безнадежность. Но даже если решится вопрос о моем положении (освобождение), то возникает второй, не менее важный вопрос о выезде отсюда. Я вижу только один выход. Это хлопотать в центре. Хлопотать надо только перед НКВД и нигде больше. Очень прошу тебя зайти к Захару <Малинковичу>, об'ясни ему мое положение. <...>

Письмо к жене, Марии Иосифовне Цибарт 27.07.1945

27 июля 1945 года

Родная Мурка!

Настоящее письмо посылаю тебе по одному вопросу. Речь идет о моей судьбе. Коротко о моем положении. Срок моего заключения кончился 14 декабря 1942 года, но меня не освободили, а дали расписаться, что я остаюсь в заключении до конца войны. Причину этого задержания я не знаю. Предполагаю что причиной может быть то, что в анкете у меня указано, что родители мои немцы колонисты, но точно не знаю. Другие заключенные с той же статьей как у меня (К.Р.Д. то есть "контр. революц. деятельность") были вовремя освобождены.

Но вот война кончилась 9 мая 1945 года. С этих пор прошло уже больше двух месяцев, а меня до сих пор не освобождают. Ходят разные слухи о близком освобождении "пересидчиков", но об этом все время говорят, а воз и ныне там. Ты видно была введена кем-то в заблуждение, что я уже давно свободен, имею хорошую работу и получаю хорошее жалование. К сожалению это только мечта! Живу в лагере в бараке где 40 человек на верхней наре. На работу и с работы иду под конвоем. Питаюсь в лагере на общем столе. Жалование мое 90 р. в месяц. Свободно ходить по городу, покупать что-либо в магазинах не имею права. Своего у меня ничего нет, даже одежды. Вот такой я вольный человек!!!

Я прошу Тебя Мурка, помоги мне родная ради детей и Тебя самой. Я сам бессилен чем-либо себе помочь, не говоря конечно о помощи Вам.

Что можно сделать для меня?

Я приговорен Особым Советом Н.К.В.Д. 7/VI 1938 года к 5 годам исправ. труд. лагерей за "контрреволюц. деятельность". Срок считать с момента ареста, то есть с 14 декабря 1937 года. Так гласит постановление Особого Совета. Я пишу об этом, чтобы Ты поняла, что осужден не судом и считаю, что под судом не был. Меня сослали в лагерь административным порядком НК В.Д. Мой хозяин НКВД. На меня не распространяются никакие амнистии, ни суды, ни прокуратура.

Единственным моим хозяином является только НКВД. НКВД своим распоряжением может меня освободить в любое время и

задержать новым постановлением Особого Совещания. Ввиду этого хлопотать обо мне можно только в НКВД. На моих глазах все время происходят случаи когда НКВД вызывает поодиночке, а то и пачками специалистов в Москву, там их освобождает и дает назначения. Такие вызовы (телеграфные) адресованные в Дальстрой обычно подписывает Зам. Наркома НКВД – Завенягин. Теперь специалисты очень нужны. Я здесь числюсь как специалист теплотехник имеющий 18 летний научно-технический и производственный стаж. Если бы кто либо напомнил обо мне, то меня могли бы вызвать отсюда на работу где либо на материке, а там уже освободят автоматически, так как я почти 3 года пересидел. Главное вырваться из этого ада, где я больше 2-3 лет не выживу. Я и так стал инвалидом по сердцу! В Москву меня вероятно сразу не пустят. Придется поработать в провинции, где было бы тепло, фрукты и еда. Желательно не так далеко от Москвы, чтобы на каникулы или праздники дети могли приезжать ко мне. Я согласен на любую работу (желательно научную, педагогическую, плано-производственную). По специальности я инженер механик по теплотехнике (котлы, двигатели, станции). Кончил Московское Высшее Техническое Училище в 1918 году, а до этого в 1910 году в Лодзи (Польша) мануфакт. промышленное училище – техникум текстильщиком. Здесь, в заключении все время работаю по специальности на исследовательской и расчетной работе по теплотехнике, холодильному делу и вечной мерзлоте. Начальство относится ко мне хорошо, все время я двухсотник. Если бы я не был заключенным, то вероятно занимал бы хорошую должность с большим окладом (здесь ставки вдвое выше, чем на "материке"). Мог бы ежемесячно солидно помогать Вам! но я сам как беспомощное дитя. Я сам нуждаюсь в серьезной поддержке. Так вот о чем я хотел Тебя просить.

Если Захар <Маликович> работает в НКВД зайти к нему. Он был моим другом. Человек он отзывчивый и добрый. Объясни ему мое положение. Он наверно хорошо знает Завенягина. Также он вероятно знает моего бывшего начальника генерал майора Егорова Сергея Егоровича, который работает там же где и Захар. Пускай он за меня замолвит словечко, пусть меня вызовут!!! Может быть у самого Захара найдется какая либо работа для меня?

Вот Мурка единственная моя надежда!! Телеграфируй мне если нужны дополнительные сведения. Вызов надо адресовать не мне, а начальнику Дальстроя ген. лейтен. Никишову. Мой личный адрес Ты знаешь. Жду с нетерпением, что Ты что-нибудь сделаешь.

21 июня т.е. 2 1/2 месяца назад я наскрѣб 340 руб., которые копил на то, чтобы одеться после освобождения и телеграфом отправил Тебе. Дал уже 3 телеграммы, чтобы Ты подтвердила получение денег, но ответа никакого нет. Боюсь что деньги затерялись дорогой. Почта не хочет наводить справок пока от Вас не будет телеграммы, что деньги не получены. Ответ пожалуйста телеграммой! очень прошу.

А главное зайти к Захару!!!

Ты себе не представляешь как здесь жутко. Если бы не дети и не мои обязанности к ним я бы давно покончил счеты с жизнью. Живу все время надеждой. Может быть Бог мне поможет и для меня опять станет светить солнце. Не сердись на меня, не помни, забудь прошлое, я столько выстрадал, что стал совсем иным, чем был до ареста. Твой Ацек

Записка к Анатолию Николаевичу Зайцеву 31.08.1945 (в письме к Эльфриде)

Анатолий Николаевич!

Дочка моя Элечка телеграфирует мне, что Ты взялся помочь мне. Если это так, я никогда в жизни не забуду это проявление самых высоких человеческих побуждений. Дороги нашей судьбы пошли в разные стороны, но мы ведь остались людьми. Во мне Анатолий Ты не ошибся, когда в последние дни перед расставанием на многие годы, так горячо и честно совершенно в единственном числе выступал и боролся. Ты шел всегда честно и прямо, шел напролом не боясь опасностей. Сейчас наступило время, когда я обращаюсь к тебе опять. Спаси меня Анатолий! У меня никого нет, кто мог бы оказать мне законную помощь. Я остался тем же кем был и Тебе не придется краснеть за оказанную помощь. К тому что Ты уже знаешь от моих родных сообщаю следующее:

1. Я пока еще в заключении, но надеюсь в связи с окончанием войны все таки надеюсь очень скоро освободиться. Нужна ли тут твоя помощь, не знаю.
2. Беспокоюсь что могут не выпустить отсюда и придется здесь погибать так как я специалист, а их не отпускают; вот здесь нужна Твоя помощь.
3. Пути моего вызова все лежат через НКВД СССР, так как здесь где я нахожусь нет других предприятий, кроме предприятий, подчиненных Дальстрою НКВД СССР. Поэтому, если даже освобожусь, то опять таки попаду в ту же систему НКВД, только может быть придется работать в другом месте или даже другом городе.
4. Нормальный путь это вызов через Зам. Наркома НКВД Завенягина. Ты вероятно даже его знаешь, он был Замом у Серго в НКТП.
5. Второй путь это обратиться к генерал-майору Егорову Сергею Егоровичу. Он работал Зам. Начальника Дальстроя, а теперь в НКВД СССР. Имею сведения, что он не откажет мне помочь или даже устроить в подчиненном ему предприятии. Он очень простой и сердечный человек, с ним можно говорить просто и откровенно.
6. На всякий случай можно обратиться к Малышеву Вячеславу, он наш бывший воспитанник (на кафедре Шелеста А.Н.), работал в мое время директором Коломенского завода. Теперь Нарком танковой промышленности или Нарком вооружений (точно не знаю). Одновременно он Зам. председ. Совнаркома СССР. Тут я не уверен. Попытка не пытка... Утопающий хватается "за соломинку"

Прошу тебя дейстуй энергично. Спаси меня! Если удобно напиши мне, телеграфируй! Семья моя очень туга на письма. Я почти совсем заброшен.
Твой А.А.

Письмо к старшей дочери Эльфриде 16.03.1946

г. Магадан 16 марта 1946 г.

Дорогая, родная Элечка!

Получил от Тебя письма: от 2/XI; от 23/XI и срочную телеграмму от 6 Марта. Письма эти получены в Январе и Феврале 46 г., а телеграмма на следующий день после подачи. Получение твоих писем совпало с мертвым сезоном, когда навигация прекращается ввиду замерзания Охотского моря. Поэтому отправка почты до мая месяца обычно в прежние годы прекращалась. Только телеграф работает круглый год, хотя во время войны очень редко и телеграммы доходили, за исключением срочных. Чтобы Вы не беспокоились, я ответил Тебе срочной же телеграммой на следующий же день, т.е. 8 марта. Надеюсь, что Вы ее получили. Адресовал я ее на Каланчевскую 49

Но вот теперь, после войны, было опубликовано, что с 1 Марта восстанавливается регулярная воздушная связь от гор. Магадана до Хабаровска. Самолеты вероятно берут и почту, с тем, чтобы в Хабаровске погрузить ее в вагоны жел. дор. В надежде на это я и пишу не дожидаясь мая месяца.

Родная Элочка! Твои письма вдохнули в меня новую струю жизни и робкую надежду на возможность "воскресения из мертвых". Жить то ведь всем хочется и Вам молодым, у которых все впереди и нам старикам, у которых все позади. Надежда "отрада" и нам старцам подает". Вот за эту отраду большое Тебе спасибо дорогая. Я уже не маленький и хорошо знаю насколько обоснованы Твои утешения и собственные надежды. Но не это важно и существенно, не это меня опять подняло на ноги. Меня ободрило то, что я почувствовал в наших отношениях ко мне признаки любви и привязанности. Я уже не чувствую таким заброшенным, забытым, ненужным никому как раньше. Я теперь твердо знаю, что на другом краю света, в далекой, недостижимой для меня Москве, среди многих миллионов людей бьются хоть 2 сердца моих родных детей которые обо мне не только изредка вспоминают, но которым одинаково со мною больно переживать мои страдания. Подумай только каково должно быть мое состояние. Я по существу без всякой вины выброшен из общества, заклемен позором, всеми презрен, всеми отвержен. Я стар и более, может быть, намного более мнителен, чем все нормальные люди. Мое положение в течении этих 8-9 лет убеждает меня в том, что я "лишний" человек на земле. Просто неудобно сразу убит. Меня "терпят" кормят лишь бы не умереть, предоставляя все остальное доделать "времени". Кончилось назначенное мне время сидки, но я почти досаживаю уже II срок и конца не видно. Никто обо мне не вспомнит, не говоря о обществе, даже "канцелярия" не позаботится обо мне, чтобы выполнить свой долг и освободить меня. Меня уже нет в живых, я видно уже списан со счета; не считают даже нужным сообщить до какого времени будут продолжать мои страдания. Но я то ведь сам себя еще считаю живым. У меня есть чувства. Я еще мыслю, переживаю! И вот Элочка в такие минуты тоски, отчаяния, я, как утопающий, набросился на Вас, моих детей с упреками, умоляя, требуя помочь мне, спасти меня. Я как человек, потерявший голову, стал биться лбом об стенку, кричал, бесновался, вместо того, чтобы сохранить спокойствие и хладнокровно все обдумать. Прости меня Элочка, за мою глупую невыдержанность, но я чувствую, что при моей внутренней конституции, моя психика вряд ли долго выдержит. Я переживаю сейчас то состояние, которое переживает человек "обреченный" на смерть и пожизненные муки. Я слышал, что многие пережившие это или сходили с ума или сели за ночь. Я борюсь с этим настроением, но часто не в силах совладать с собою. Очень тяжело. Часто мечтаешь о смерти, как о наиболее простом и легком выходе.

Вот Элочка коротко о том, что со мною делалось, когда я обращался к Вам за помощью, вот это состояние владеет мною и сейчас. Жить хочется, но разве это жизнь? Я очень жалею, что стал обвинять Вас в том, что у вас по отношению ко мне не осталось ни любви ни привязанности и это тяжелое обвинение сделал на основании того, что Вы ничего не сделали для моего освобождения. Как будто Вы что либо были в силах сделать! Не учел я той обстановки в которой Вы живете, не учел того проклятия, которое тяготеет над Вами благодаря вашему отцу! Ведь старых друзей никого не осталось. Даже просто знакомые отвернулись. Другое дело если бы я был мертв. Тогда может быть опять постепенно раскрылись старые двери. Тогда вам легче было бы пробить себе дорогу в жизни собственным умом и кулаками. Все это стало для меня ясно, когда я получил Твои письма. Не Вы не хотите, а Вы не можете и сколько бы ни "плакала от горя, бессилия и злобы" не прошибешь бесчувственного камня. Напрасны видно всякие усилия. Надо спокойно ждать, как время само повернет судьбу. Пока Твой отец – обречен. Как это ни горько и ни тяжело, но это видно факт. Надеждами я себя уже никакими не утешаю. Мне видно здесь могила и Вас родных любимых дорогих детей и жены мне больше не видеть. Но пока я жив, пока еще хоть немного бьется сердце я буду жить только мыслью о Вас, сознанием, что меня все-таки любят двое невинных чистых существ вопреки всему миру. Не забывайте меня – ваши письма единственное для меня утешение в оставшейся мне жизни. Но если связь с отцом может причинить Тебе неприятности или компрометировать, брось меня, думай о себе, только о себе, Твоя жизнь все впереди, а я мертвец. Я то теперь все равно знаю, что Вы меня любите.

Ты спрашиваешь, куда пойти, что делать? Теперь не знаю. Знакомств нет, обращения не помогут. Кроме унижений для себя ничего не добьешься. Остается только писать в официальные учреждения и то без особой надежды на успех. Не Вам, молодым, неопытным такие дела проворачивать!

Когда я вам писал, по наивности перебирая в памяти тех людей, с которыми сталкивался в жизни, думал, что они может быть что либо сделают. Это были следующие люди:

1. Калинин Михаил Иванович – Председатель Президиума Верховного Совета СССР
2. Маленков Секретарь Ц.К. ВКП(б)
3. Егоров Сергей Егорович (о нем уже писал) он работает не в НКВД, а говорят Министром Цветной металлургии.
4. Малышев Вячеслав Александрович – Министр транспортного машиностроения
5. Кржижановский Глеб Максимилианович – работал в Академии Наук ССР – Директором Научно-исслед. Института энергетики.

Об этих людях я думал, но видно напрасно. Они видно будут в лучшем случае реагировать как Зайцев А.Н., а может быть и хуже. Если бы захотели могли бы меня освободить первые двое, а устроить на работу остальные трое. Но вряд ли они захотят себя пачкать (хотя первые 2 так высоко стоят, что это их не запачкает).

Я Вам ничего не советую, ничего не прошу, так как на успех не надеюсь. Если у вас есть действительные друзья посоветуйтесь с ними.

Родная Элочка, маленькая дорогая Светка! Шлю Вам свое благословение. Желаю вам счастья в жизни. Берегите маму и бабушку. Они одни Вам остались в этом мире.

Я вас крепко, крепко люблю. Вами только живу. Не питайте ко мне обиды, что так много горя из-за меня пришлось Вам перенести.

Привет Маме, пусть на меня не сердится, пусть хоть пару слов чиркнет мне.

Твой Папа

Письмо к старшей дочери Эльфриде 23.03.1946 (последнее из сохранившихся)

23 марта 1946 г. Письмо №2

Дорогая родная моя Элочка!

Решил написать Тебе специальное письмо на Твое от 23/II-1946 г.

Оно настолько содержательно, так тепло, так много в нем новых мыслей и надежд, что нужно подробно на нем остановиться.

Настроение у меня убийственное. Потерял всякую надежду когда либо вновь увидеть свободу. На самом деле ведь вот уже скоро будет 9 лет вместо 5, то есть проходит уже второй срок. Конца же не видать. Знал бы хоть срок, а то мое воскресение к новой жизни может произойти завтра, а то и после того, как уже буду исключен из списка живых. Все время напрашиваются аналогия с обреченным. Раньше я строил планы на будущее, мечтал о нем, ждал с нетерпением, готовился к этому великому историческому дню моей жизни, а теперь у меня полное безразличие, вялость к себе, покорность судьбе. Что будет то будет, мне все равно. Отношусь к себе как к постороннему предмету, как к щепке которая плывет на волнах реки. Была надежда, что авось Вы сможете что либо сделать, теперь и эта надежда рухнула – Вы бессильны, я это теперь понимаю. Но твоё письмо настолько необычное, так проникнуто горячим участием к моей судьбе, что поневоле заражаешься твоим оптимистическим настроением и вместе с Тобой опять начинаешь надеяться и мечтать о несбыточном будущем. Дай Бог, чтобы Твои надежды на мое скорое освобождение сбылись. Ты ближе к центру, иногда кое с кем приходится говорить и Тебе больше известно. Но не кажется ли Тебе, что судьба Твоего отца зависит от показаний политического барометра нашей страны? А тучи как будто опять сгущаются – Черчилль грозит и бряцает. Не отразится ли это на мне? Я всего боюсь. Тут у нас уже уже 2 месяца как была поднята кампания со стороны начальства об освобождении тех пересидчиков за которых будет ходатайство производства как о лучших работников. И я попал в этот список. Готовился со дня на день к освобождению. Говорили что вот-вот свершится. И так в этом громадном нервном возбуждении прошло два месяца, а воз и ныне там. Ох как изматывает это ожидание, этот переход от надежды к отчаянию!! Главное, что и до сих пор об этом говорят, что это должно совершиться, так что искорка надежды теплится где то под спудом. Такие освобождения делались и до сих пор и год и 2 и 3 тому назад. Начальнику Дальстроя дано право и своей властью освобождать пересидчиков за хорошие производ. показатели с условием закрепления их за Дальстроем. Но это право почти не использовалось и если иногда освобождали то это были единички, вокруг которых поднимали большой шум и вся эта мера имела лишь символическое значение. Из многих сотен представленных освобождали лишь 2-3 человек и почти никто из нас не замечал этого. Могу ли я после этого надеяться, что попаду в число счастливых?! Я часто думаю о том, что Ты пишешь, а именно о том, что весной этого года должен быть решен вопрос в целом о "пересидчиках". Это естественно и весьма вероятно, что этот вопрос должен быть скоро как то решен. Весь вопрос в том в каком году будет этой радостной весна и доживу ли я до нее. Но ничего ведь другого мне не остается кроме одного совета – "ждать". Я жду. Видно, что никто мне в этом вопросе помочь не может. Прихожу к выводу, что "для очистки совести" пожалуй мне остается написать официальные ходатайства-просьбы: 1) в Президиум Верховного Совета 2) в Верховный суд или Верховному прокурору 3) Министру Внутренних Дел. Наперед знаю, что из этого ничего не выйдет, но может быть это следует сделать для очистки совести, чтобы сознавать, что сделано все от меня зависящее. Посоветуйся, если кто либо есть, с друзьями своими. Кстати кто такой "дядя Митя" как его фамилия? <Дмитрий Кирик, друг детства жены А.А., минчанин, иногда бывавший в Москве>. Кроме заключения меня сильно беспокоит и само место жительства. Климат и особенно отсутствие овощей и фруктов (то есть витаминов) свели мое здоровье почти к нулю. У меня сильный порок сердца и цыган – две болезни, которые можно хоть немного облегчить южным климатом. И вот эти болезни возможно также помогут мне выбраться отсюда. Правда они не дадут мне свободы, но возможно что меня отправят "на материк" в другой лагерь, где будет хоть легче дышать, где пройдет цыган и вялость, где письма до Вас будут доходить не в 3 месяца, а самое большее в 2 недели, где между нами не будет замерзающего моря. В прошлом году отправили в 3 приема таких же больных как я. Моя очередь была в декабре. Но я отказался поехать, так как боялся пускаться в дорогу по морю зимой. В Охотском море в это время бури и штормы. Будь я вольный дело другое, а то болтайся 12-14 дней по морю беспомощный, полуголодный, а потом по этапам и пересылкам. Надеюсь что в списках подлежащих отправке я есть и сейчас и, как навигация опять откроется, меня могут отправить на "материк" (так у нас называют все места кроме Колымы). Там мне конечно будет хуже, так как уже придется работать не по своей специальности, а на общих работах и хлеба будут давать меньше. Но зато там будет теплее, там будет довольно овощей, там легче и быстрее можно с вами связаться и главное уже выйду из ведения Дальстроя. Вот Элочка и эта перспектива является для меня вполне реальной, если не освободят до этого времени. Если это случится, то попроси товарища дать Тебе срочную телеграмму "уехал материк". Обычно отправляют в бухту Находка, в 80 килом. от Владивостока по железной дороге. Новый адрес уже сам сообщи Тебе.

Теперь по существу Твоего письма. Настроение у Тебя действительно весьма оптимистическое. Оно и меня настроило на радостный и мечтательный лад. В моем положении, только в мечтах и заключается жизнь! Ты мечтаешь о том, что может быть будет после моего освобождения. Как будто этот основной вопрос уже решен или вот-вот должен решиться. Но Элочка это не так. Может быть придется еще долго ждать; может быть мне еще придется умереть, что и могилы моей не сыщешь. А может быть что Вам придется еще постучаться в офиц. учреждения, чтобы Вашего папу вернуть к жизни. В последнем случае Вам пожалуй надо действовать только официально или через НКВД или Генерального Прокурора или Верховный Совет. Сейчас ставить вопрос о том, что будет после освобождения – это значит "делить шкуру неубитого медведя". Но я согласен и на это. Ведь приятно принять мечту за действительность. 1 вопрос где жить? Я сам не хотел бы жить в Москве. Здесь все напоминало бы мне о прошлом. Здесь жизнь очень нервная, беспокойная. Мне хотелось бы жить там, где спокойнее, где тепло, климат подходящий, фруктов, овощей много, где жизнь дешевая и можно притти в себя, поправить здоровье мне, маме и Светке. Мы ведь все так истрепались, исстрадались. Такими местами могут быть южные районы; южнее Москвы. К месту я предъявил бы только требование, чтобы это было не деревней, а городом где есть 10летка (для Светки), чтобы недалеко был культурный центр с высшими и средними учебными заведениями. Последнее условие я выдвигаю в расчете на то, чтобы Светке устроиться в ВУЗ после 10летки (так как возврат в Москву сомнителен). Кроме этого я все мечтаю, что мне рано или поздно удастся, все таки удастся устроиться на педагогическую или учебную работу во ВТУЗ'е или Техникуме, а еще лучше на научно исследовательскую работу. Такие "возможные" места если на карте возьмешь крупные центры на Юге или Юго Западе (от Москвы) например Самара, Саратов, Воронеж, Ростов на Дону, Новочеркасск, Харьков, Брянск, Киев, Днепрпетровск, Одесса, Львов и проведешь окружность радиусом 80-120 километр. Как видишь это не обязательно столица или областные центры – главное, чтобы там можно было найти работу. А это тоже не легкий вопрос. Не забывай, что я запачкан и не так охотно меня возьмут. На какую работу я был бы пригоден? 1) на преподавательскую или учебную работу 2) в какой нибудь исследов. Институт 3) в лабораторию на заводе или Институте 4) на производство по специальности, т.е. теплотехнике (на паровозный, котельный, локомобильный, турбинный завод, на электростанцию или заводским механиком, на железн. дорогу, по холодильному делу и проч.

Все это желательно, но мне выбирать не приходится. Соглашусь на что угодно вплоть до табельщика, сторожа, лишь бы можно было прожить и воспитать Светку, вывести ее в люди.

У Вас есть кой какие знакомые, может быть они могут помочь устроиться (скажем тот же дядя Митя) или можно обратиться с официальным ходатайством к какому нибудь большому человеку, стоящему во главе какого либо министерства. Из опубликованного списка министров я знаю и меня знает только один. Это министр транспортного машиностроения Малышев Вячеслав Александрович. Он учился у нас, был Директором Коломенского Завода. он как раз стоит во главе министерства, которое по моей специальности. У него должна быть всякая работа: и ВТУЗы и Техникумы и

лаборатории и производство. И места есть подходящие – это Таганрог (у Азовского моря) и Ворошиловград (Луганск) и Бежица (около Брянска и Людиново)

Но возможно, что у вас есть знакомые поменьше чином, которые могут помочь устроиться. Я далек от жизни, особенно послевоенной экономики. вам виднее – поручаю свою судьбу на твои руки. Как Ты решишь и куда решишь пусть так и будет. Главное бы освободиться, до этого нечего и думать о месте работы. Но к этому надо быть готовым. Ведь может случиться, что мне надо будет заявить куда хочу ехать, куда выписать билет (проезд к месту жительства должен быть бесплатным). Я себе представляю как приеду в новый город, никого не знаю, все смотрят подозрительно и настороженно, остановиться и переночевать негде; гоняют с места на место, чтобы сплавить. Другое дело, если буду знать куда ехать, если будет рекомендательное письмо, а еще лучше если на руках будет путевка – направление – вызов. Вот почему желательно, чтобы Вы в этом направлении что либо сделали, если можете конечно. Иногда маленькая записка, предварительный разговор может иметь решающее значение.

Но пока увы это только мечты – нет еще свободы. Ты пишешь, чтобы после освобождения заехать на 2 недели в Малаховку. Это опасно без разрешения. Другое дело проездом на сутки-двое с поезда на поезд. Если будет вызов из Треста или Министерства тогда дело другое. Поэтому нужно эти вопросы решить не дожидаясь личного свидания, с тем, чтобы я был информирован еще до выезда отсюда.

Твое предложение о продаже дачи. Благодарю Тебя за заботу обо мне. Но мне кажется, что с этим надо обождать. Сначала нужно устроиться на новой работе, чтобы узнать насколько прочна работа, освоиться с обстановкой жизни на новом месте, а потом уже решить вопрос о даче. Пока торопиться некуда, очень хорошо иметь дачу в резерве.

Насчет посылки денег? Думаю что у меня вряд ли хватит совести у Вас, голодающих просить материальной помощи. Только в самом крайнем случае, когда выхода действительно не будет, решусь на этот шаг. Пока же об этом и не думайте.

Вот кажется все по Твоему письму.

Большое, большое Тебе спасибо, за такое письмо. Побольше и почаще получать такие письма, тогда еще жить можно – хотя бы в мире грез и фантазий.

Ничего не знаю про Твою учебу? Не знаю даже к чему Ты готовишься. Сейчас читаю биологию: Лункевич "Основы жизни". Вижу что это наука прямо необъятная, тут нужна какая то более узкая специализация. Что же Ты выбрала?

Целую Тебя, Светку и Маму

крепко крепко

Твой Папа

Привет бабушке, Саше. Не забывайте меня!!

Светке написал отдельное письмо, также и Маме только по адресу: Каланчевская 49 кв 23

Вопрос решить не представляется возможным, так как я был информирован еще до выезда отсюда.

Мое предложение о продаже дачи. Благодарю Тебя за заботу обо мне. Но мне кажется, что с этим надо обождать. Сначала нужно устроиться на новой работе, чтобы узнать насколько прочна работа, освоиться с обстановкой жизни на новом месте, а потом уже решить вопрос о даче. Пока торопиться некуда, очень хорошо иметь дачу в резерве.

Насчет посылки денег? Думаю что у меня вряд ли хватит совести у Вас, голодающих просить материальной помощи. Только в самом крайнем случае, когда выхода действительно не будет, решусь на этот шаг. Пока же об этом и не думайте.

Вот кажется все по Твоему письму.

Большое, большое тебе спасибо, за такое письмо. Побольше и почаще получать такие письма, тогда еще жить можно – хотя бы в мире грез и фантазий.

Ничего не знаю про Твою учебу? Не знаю даже к чему Ты готовишься. Сейчас читаю биологию: Лункевич "Основы жизни". Вижу что это наука прямо необъятная, тут нужна какая то более узкая специализация. Что же Ты выбрала?

Целую Тебя, Светку и Маму

крепко крепко Твой Папа

Привет бабушке, Саше. Не забывайте меня!!

Светке написал отдельное письмо, также и Маме только по адресу: Каланчевская 49 кв 23